

Павел Брычков

В осаде

По данным разведки, чеченские вооруженные формирования приурочили ко дню инаугурации Президента РФ (9 августа) серию террористических акций в Грозном. Работая на опережение, Координационный центр МВД в Чечне наметил на 6 – 8 августа специальную операцию по уничтожению баз, складов и мест сосредоточения боевиков. Однако утечка информации на этапах планирования и подготовки позволила руководству боевиков сдвинуть свою акцию на еще более ранний срок. Видимо, чувствовали себя настолько уверенно, что уже не могли считаться с «расслабившимся» противником.

В Москве – ельцинский триумф, а у нас – трагедия.

.....
6 августа в 5:00 боевики вошли в город с нескольких направлений – со стороны Черноречья, Алды и Старопромысловского района.

12:30

Ведется огонь по зданию УБОП, Дому правительства. Интенсивная стрельба идет практически по всему городу. Боевики окружали и обстреливали блокпосты, КПП, комендатуры, устраивали засады на маршрутах выдвижения наших частей...

Из книги генерала Геннадия Трошева «Моя война».

В этой командировке Лукина не должно было быть. Омские омовцы уже больше месяца стояли в Октябрьской комендатуре Грозного. Но в конце июля начальник управления направил Лукина с проверкой. Заодно он привез ко Дню Воздушно-десантных войск подарки – тельняшки – и вручил их бывшим десантникам. В Координационном центре МВД генерал-полковник Голубец пожал ему руку и сказал, что хорошо, мол, что он приехал: опыт-де его пригодится – скоро дня на три ожидается заварушка, дадим боевикам прикурить!

Сегодня, 5 августа, с раннего утра Лукин со своими омовцами проводил зачистку нескольких улиц. Обошлось без эксцессов, но удивило, что много было мужчин-чеченцев без документов. Десятка три увезли они на своем «Урале» в райотдел милиции и сдали чеченским милиционерам. После обеда из ГУОШа пришел его заместитель подполковник Виктор Коваленко и отозвал его в сторону:

– Федорыч, похоже, «духи» что-то затевают серьезное... Базар, говорят, опустел, а чеченок, которые у них работают, свои предупредили, чтобы они завтра на работу не выходили!..

– Голубец тоже обещал заварушку... Только чеченцам.

– Как бы они нам не устроили!

– Ладно, будем готовиться.

После обеда повезли смену на закрепленные за ними блокпосты. На востоке, почти на окраине Грозного, на шоссе в сторону Аргуна – 24-й, южнее Грозного, в сторону Пригородного – 26-й блокпост, с которого просматривались хорошо Новые Алды. На 24-й блокпост заступили двенадцать человек под началом старшего лейтенанта Игоря Стенина. Разместились они в прочном доте, сохранившемся еще с сорок первого года, с дотом траншеей соединялась землянка, в которой расположились солдаты из 101-й бригады. Место Лукину понравилось – взять, в случае чего, его будет не так просто. Куда менее надежным показался ему 26-й блокпост. Он располагался в небольшом двухэтажном здании на южном склоне перекрестка дорог так, что со стороны дорог виден был только первый этаж, и тот почти полностью засыпан землей. По ней можно было вбежать прямо на крышу. Оставлены лишь окошки бойниц. На самой крыше – огневые позиции за мешками с землей. И такой блокпост непросто было бы взять, да вот только «зеленка» совсем рядом, сразу за дорогой начинается. Там можно скрытно сосредоточиться, бросок через дорогу – и ты возле блокпоста, забрасывай гранатами. Одно хорошо, что, так уж вышло, что в середине угла, образованного дорогами на Аргун и Пригородное, как раз между блокпостами, на горе, стояла 101-я бригада, с которой была связь и которая, при случае, могла помочь. Глядя на то, как Саша Кравченко, Парфенов Андрей, Слава Алимов, Грибков Сергей скидывают с

«Урала» рюкзаки, разгружают трехдневный боезапас, Лукин вдруг почувствовал непонятно отчето возникшую в душе тревогу, как всегда бывало при близкой опасности. Он даже привстал, огляделся. Но вокруг ничего не изменилось: все так же в сторону Грозного катили беспрерывно машины, на крыше блокпоста виднелась каска дежурившего там солдата, а еще два солдата, голые по пояс, слонялись вокруг стоявшего в капонире бэтээра. Но ощущение тревоги не прошло. Остаться бы тут по-хорошему, но надо быть со всеми. Он с досадой бросил окурок и велел водителю Виталию Ходыкину ехать на ПВД.

От площади Минутка повернули налево. До их ПВД оставалось метров восемьсот. Неделю тому назад, тридцатого июля, он ехал так же на «Урале» от Минутки, где помогали армейцам выбивать из полуразрушенного дома боевиков, которые заняли его ночью. Лукин увидел тогда бредущих по тротуару на другой стороне улицы кучкой солдат с их ПВД из саранского батальона Внутренних войск, остановился и обложил их матом:

– Какого черта толпой бродите! Одним выстрелом из подствольника всех положить могут!

Солдаты-мальчишки послушно растянулись цепочкой. Но едва «Урал» отъехал, они вновь сбились в кучу. Увидев это в зеркало, Лукин чертыхнулся, и в это время сзади них раздался взрыв. «Похоже, стодвадцатимиллиметровый снаряд», – определил он, а когда вышел из кабины, понял, что сработал фугас. Из шестерых солдат только один стоял, обхватив голову руками, остальные в разных позах лежали, присыпанные землей. У Лукина похолодело под ложечкой: здесь всегда проходили на патрулирование его омовцы, и фугас явно предназначался им. И почувствовал радость и облегчение от того, что погибли не его ребята. Он понимал, что не место сейчас подобному чувству, он давил его, но радость то и дело проскакивала искоркой в сознании. Ему пока везло: из всех своих командировок он возвращался без потерь. Хотелось привезти всех живыми и из этой.

Он сообщил по рации о случившемся в комендатуру. Приехал «Урал» саранцев. Саперы проверили, нет ли еще какого сюрприза. И солдаты стали грузить погибших в кузов, сначала укладывая их на брезент. У одного было снесено сзади полчерепа, у другого разворочен живот так, что видны внутренности. Кусок, видимо его, бронезилета висел на ветках стоявшего рядом дерева. Оставшийся в живых беспрерывно курил, размазывая по лицу слезы, и повторял окружившим его солдатам и омовцам:

– Только дерево прошли, как ебнет!..

...«Урал» притормозил перед ПВД. На КПД дежурили его омовцы во главе с прапорщиком Мишечкиным. Тех, кто в ночь заступит, надо будет как следует проинструктировать. Ходыкин аккуратно подкатил «Урал» к стене двухэтажного здания и выключил мотор. Когда-то в этом здании был детский сад. Омичи заняли половину здания, а на второй поселились их коллеги из Приморья, амурские и благовещенские омовцы. Напротив, метрах в трехстах, в здании школы, стояли солдаты бригады Внутренних войск из Саранска и бойцы тюменского батальона оперативного назначения (БОНа). Слева в здании комендатуры – волгоградский СОБР. Для всех них это и был пункт временной дислокации – ПВД. В Координационном центре и Главном штабе их именовали проще – Октябрьская комендатура. Своего рода укрепрайон внутри города. А свое здание каждый по-своему усиливает. Они с южной стороны соорудили дот, из которого простреливалась улица, ведущая к детскому саду, и частные дома за дорогой. На крышах, по углам, из мешков с землей огневые ячейки, в окне между этажами на лестничном марше – то же. Перед входом выложили полукружьем стену из мешков с землей, а в центре этой стены мусорный бак с землей...

Само крыльцо было ограждено еще строителями кирпичной стенкой со сквозными квадратными отверстиями. Бойцы устроили из этой стены своеобразный календарь: пронумеровали отверстия масляной краской и клали в конце каждого дня туда полуторалитровые пластмассовые бутылки. А чтобы бутылки не выдувало ветром, наполняли их водой. Красные пробки на бутылках обозначали выходные дни. Идешь мимо крыльца – глянул на календарь – и сразу видно, сколько до конца командировки осталось! Вот и сейчас Колыванов любовно вставил бутылку и сказал стоявшему рядом омовцу:

– Еще двадцать дней и – домой!

– Скорей бы! – ответил второй омовец. Подойдя к ним, Лукин увидел, что это был Биркле, по прозвищу Пожиратель Змей. Однажды они вошли на блокпост, и вдруг с потолка свесилась, шипя, змея. Все оцепенели, а он молниеносно схватил ее в руки и перегрыз пополам зубами.

– Что-то вы рано отметились! – улыбнулся Лукин.

– Да подготовиться надо, командир: в дот заступаем...

– Давайте, давайте, готовьтесь... Вздремните часок-другой, время еще есть, поспать сегодня вряд ли придется!..

На вечернем построении Лукин объявил о возможном нападении боевиков и приказал спать, не раздеваясь, и с оружием под рукой, чтобы при нападении сразу занять свои огневые позиции. Около полуночи он проверил КПП, дот, крышу, предупредил, чтоб ни в коем случае не спали и чуть что сразу выходили на связь с ним.

В час ночи лег на свою кровать, задремал, то и дело просыпаясь. Было душно и тревожно.

Глава 2

Под утро приснился сон. Он, десятилетний мальчишка, возвращается вместе с отцом домой в свою деревню Крутые Луки. Едут через поле по пыльной мягкой дороге. Жарко. Воздух кажется желтым от солнца и созревшей на поле пшеницы. В мареве зноя видны уже дома деревни. Чтобы обдувало ветерком, он встал, держась за вожжи, и погнал Гнедка. Телега вдруг загрохотала, будто ехали по булыжникам, а не по мягкой полевой дороге. Он успел только удивиться этому, как услышал:

– Федорыч, началось!

Рядом с ним стоял его заместитель Виктор Коваленко в полной выкладке с автоматом в руке. О том, что началось, он мог бы и не говорить: снаружи трещали автоматные и пулеметные очереди, и слышны были частые разрывы. Лукин провел ладонью по лицу, как бы сметая остатки сна.

– Все по местам! – скомандовал он. – Коваленко, на связи! Я по точкам.

Но и до его команды почти все были уже на огневых позициях, и уши сразу заложило от стрельбы. Лукин надел на темно-синий комбинезон «кирасу», взял было «сферу», но тут же бросил ее на кровать – не любил таскать эту тяжесть на голове – и побежал через холл к доту. Вбежал внутрь дота и сразу будто вынырнул из воды: звуки в здании несколько приглушенные здесь приобрели на короткое время звенящий оттенок. Но даже в этом звенящем грохоте по ударам в бетонные блоки дота он сразу определил, что поливают дот густо. Омовцы отвечали. Саша Биркле из бойницы бил частыми очередями из РПК, гильзы по крутой дуге сыпались на землю, а лента с патронами качалась и рывками втягивалась внутрь пулемета и выходила пустой с левой стороны. Андрей Просвирнин, глядя в оптический прицел, выцеливал из своей «грозы» и изредка нажимал на спусковой крючок.

– Ага, есть! Завалил одного!

– Где? – подошел к нему Лукин.

– Вон, правее кафе, у столба... К складу бежал.

– Там их до черта, похоже, засело! – крикнул командир мотороты Василий Анушкин, дал очередь и, меняя на ходу рожок автомата, подошел к Лукину. – Им туда хотя бы парочку ВОГов закинуть, но от нас не получится, навесочкой надо... А еще лучше бы из АГСa отоварить, а то они нам житья не дадут!..

– Надо только его на крышу затащить... – согласился Лукин. – Сейчас свяжусь с тюменцами! «Соболь», «Соболь», я 200-й... На приеме? Подкиньте нам треногу на время... Как понял? Все, ждем!.. Да, да, 200-й на приеме!.. «Трехсотые» у вас? Понял, понял!

– Раненые у них, просят помочь, зеленку за дорогой обработать. Я на крышу! Ты отвечаешь за южное направление! – крикнул Лукин Анушкину и добавил, улыбаясь: – Будешь командующим южным фронтом!

На чердаке, сильно пригибаясь, чтобы не задеть головой низкие стропила, и перепрыгивая поперечные балки, он подбежал к проему, где листы шифера были отбиты, а за мешками с землей устроились омовцы.

– Ну ты, Федорыч, прямо как стометровку с барьерами! – сказал Геннадий Егоров.

Раздались оглушительные длинные пулеметные очереди.

– Это наши, – сказал Егоров.

– Сам знаю, что наши, – с каким-то спортивным азартом пробормотал Лукин. – Давайте вон зеленку постригите, тюменцы раненых выносят! – и выпустил по кустам за дорогой длинную очередь.

– Юра, вон пятно правее высокого дерева обработай, – глянув в бинокль, попросил Егоров снайпера Кольванова.

Тот повел слегка стволом СВД и выстрелил.

– Шурави, долбани-ка туда по деревьям еще из подствольника, – не заметив, что обратился к Сергею Сыроватину по прозвищу, – сказал Лукин.

Едва осыпались ветки с деревьев после удачных выстрелов Сыроватина наверняка кого-нибудь из «духов» хлестанувшие сверху осколки зацепили как во дворе детского сада раздались разрывы, перекрывшие весь остальной грохот. «Минами лупят», – определил Лукин и побежал вниз.

– Ну, как там? – спросил он Коваленко, только что положившего трубку на телефонный аппарат, связывающий жилой блок с КПП.

– Пока нормально. Никого не задело. Из минометов лупят... Обложили со всех сторон. Чувствую, туго нам придется... Федорыч, давай я хоть на диктофон буду наговаривать, что у нас делается. А то пропадем тут, и никто знать не будет. Так хоть пленка останется...

– Ага, а потомки на развалинах раскопают твою пленку! – усмехнулся ехидно Лукин и махнул рукой. – Хочешь, так пиши!

Коваленко поправил свои затемненные очки, с которыми никогда не расставался, вставил в диктофон кассету и стал перематывать пленку, чтобы установить на начало.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться! Старший лейтенант Завагаев.

К ним подошел омоновец из Йошкар-Олы, попросившийся вчера переночевать вместе со штабным майором из Воронежа. Оба были в командировке: один приехал за боеприпасами, а другой оформлял какие-то бумаги.

– Товарищ полковник, включите меня в боевой расчет, автомат у меня есть свой!

– Ладно, включим. Виктор Викторыч, поставь его на довольствие. А где второй-то, из Воронежа?

– Где-то тут... Осваивается, первый раз под огнем, – сказал Коваленко.

Вбежал Юрий Козлов в бронежилете, надетом на тельняшку, схватил пластиковую бутылку с водой:

– Там тюменцы принесли с блокпоста своего командира взвода, в грудь ранило...

Лукин вышел вслед за Козловым. Прижимаясь к стене детского сада, четверо бойцов в сером камуфляже тащили носилки. Добежав до угла, поставили на землю.

– Воды, воды, – возбужденно закричал один и схватил бутылку у Козлова.

На брезентовых носилках лежал худой лейтенант с гримасой страдания на лице. В глазах его была такая тоска, что Лукин невольно отвел взгляд. Приподняв голову, бойцы напоили его и, пригибаясь, понесли в свое расположение.

Коваленко, приставив включенный диктофон к рации, прослушивал эфир, в котором отражалась вся горячка боев, и можно было хоть примерно ухватить, что происходит на ПВД и вокруг.

– 6-й – 7-му. С угла дома бьют, с кирпичного, правее дота...

– Понятно, понятно.

– Ничего не получается! Ты подбери как-нибудь плюс 20, плюс 20...

– Кто бьет?

– Это миномет.

– Куда они кладут?

– В памятник...

– «Кубань», ответь «Дунаю»...

– Сука, козел е... куда ты лезешь?!

– 201-й – 234-му. Подождите, не стреляйте пока...

– «Кавказ», срочно группу на Минутку. Труп Завгаева обнаружен!

Услышав этот насмешливый голос с акцентом, Коваленко подстроил частоту.

– Солдаты и офицеры федеральных войск! Уже который раз ваши генералы Тихомиров, Шаманов, Пуликовский, поддерживаемые нашим национал-предателем Завгаевым, не насытившиеся нашей с вами кровью, грубо, нагло, варварски нарушив достигнутые назрановские договоренности о прекращении войны, возобновили боевые действия. По их вине гибнут женщины и дети, им безразличны слезы ваших матерей. Наши действия направлены не против вас, а против вышеназванных палачей и убийц. Мы призываем вас не покидать мест ваших дислокаций, не открывать огонь, выходя на бронетехнике и пешим порядком. При выполнении этих условий, наши бойцы не будут открывать огонь по вашим позициям. Ваша судьба в ваших руках, желаем вам вернуться домой живыми и здоровыми. Всем, кто перейдет на нашу сторону, гарантируем жизнь и отправку домой. Генерал Масхадов.

– Складно излагают «духари», – пробормотал Коваленко, поглаживая заросшие черной бородой скулы. – А наш Координационный центр что-то молчит. Что вокруг делается, хрен его знает!

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко:

6 августа.

В 7 часов начали долбить. Бой ведем уже два часа сорок пять минут. У тюменского БОНа есть потери: два «двухсотых». Мы тоже несколько человек завалили, пока у нас все нормально. На шестом «контроле» заседают человек пятьдесят, ребята отбиваются. Там «духи» сбили два вертолета. Пока все.

Глава 3

В 4:30 утра Александра Кравченко разбудил Андрей Парфенов:

– Саш, пойдем на крышу, «духи» прут толпами!

Кравченко выскочил из спального мешка, надел бронежилет и вслед за Парфеновым поднялся по лестнице к дыре, пробитой в полу второго этажа, оттуда таким же образом попал на крышу. Было уже совсем светло. За мешками с землей лежали солдаты, стоявшие ночью в наряде вместе с омовцами. Парфенов показал рукой на запад в сторону Алды, и у Кравченко от увиденного моментально улетучились остатки сонного оцепенения.

Километрах в полутора от них, за долиной, по пологому склону несколькими, казалось, бесконечными цепочками двигались в сторону города боевики. Они двигались не спеша, навьюченные тяжелыми рюкзаками за спиной и оружием на плечах и на шее.

– Давно идут?

– Минут десять. Эти первые.

Кравченко начал было считать, но после сотни сбился. Достал рацию и стал вызывать штаб 101-й бригады.

– «Горка», «Горка», я «Орех-26», я «Орех-26»...

– «Горка» на приеме...

– Вижу «духов», идут с оружием на Новые Алды за низиной, от нас больше километра, из автоматов не взять...

– Сколько их?

– Человек триста, не меньше.

– Понял, понял... Докладываю по команде. Какие будут у вас изменения обстановки, немедленно сообщайте.

Кравченко и старший лейтенант Олег Догузов, командовавший солдатами, осетин по национальности, расставили всех так, чтобы можно было держать круговую оборону. Всего их было тридцать три человека. Жаль, что бэтээр не на ходу, из-за аккумуляторов не заводится. А мог бы пригодиться. Зато выстрелов к гранатомету РПГ-7 около шестидесяти штук солдаты натаскали.

Через полчаса со стороны города послышалась непрерывная стрельба. Он связался по своему «Вертексу» с «Горкой» и сообщил об этом.

«Странно, что мимо нас прошли», – подумал он, но тут же сообразил, что на их месте поступил бы так же: если нужно войти в город, то не стоит обнаруживать себя раньше времени. Ну а теперь, когда в городе началось, то и сюда жди гостей.

«Гости» пожаловали около семи часов. Кравченко со старлеем были на втором этаже, еще раз осматривали огневые позиции, распределяли сектора обстрела, как из леса, что был севернее их за грунтовкой, хлестанули длинные очереди, и пули частой россыпью замолотили по стене, глухо утыкались в мешки с песком. Блокпост ответил из всех стволов так, что от придорожных кустов полетело бело-зеленое крошево. Однако от такой стрельбы вслепую толку мало, и огонь из зеленки ничуть не ослабел, а, наоборот, даже усилился: видимо, подошли новые «духи». Хорошо, что окна с этой стороны узкие, как бойницы, стрелять из них удобно, а попасть снаружи из подствольника не так просто. Только вот скоро разбитая пулями штукатурка заслонила белыми непроницаемыми клубами эти бойницы, и стрелять приходилось отсюда, со второго этажа наугад. Кравченко в крайнее окно успел заметить, как из-за баньки, что была в двадцати метрах от угла их блокпоста, выскочил молодой чеченец, повел дважды от живота автоматом и скрылся. Крикнув Славе Алимову и Андрею Середенко, чтоб не давали «духам» высовываться из-за баньки, он ринулся к лестнице, ведущей на крышу, и инстинктивно пригнулся, вжав голову в плечи, когда наверху ахнул гранатомет. Он выполз на крышу и с облегчением увидел, что Андрей Парфенов и молодой белобрысый солдат кинули по лимонке в сторону бани. Это он и хотел сделать, поднимаясь сюда. Но все же подполз к краю крыши, отстегнул Ф-1, выдернул чеку и кинул гранату за баню. Так-то лучше – отпадет охота туда лезть!

– Поберегись! – крикнул солдат Дима, повел трубой гранатомета влево и выстрелил. И настырно долбивший из леса пулемет замолчал. Однако плотность огня не только не уменьшилась, а, наоборот, возросла – головы не высунуть.

Вызвал «Горку» и попросил поддержать из минометов, благо, что место пристреляно. Первая мина легла в лесу далеко от дороги. Минут десять он корректировал по принципу «левее-правее-дальше», пока мины не стали ложиться метрах в двадцати от дороги. Стрельба из леса сразу поутихла, но зато началась из-за перекрестка, из одноэтажного здания почты. А еще через некоторое время и из кустарника за асфальтовым шоссе. Стало быть, наполовину окружили. Но по открытому месту со стороны долины вряд ли полезут. Кравченко спустился с крыши на второй этаж.

Связался по рации с Лукиным и доложил ему обстановку. Тот подбодрил, но сказал, что пока помочь не могут – на них тоже насаждают «духи». В грохоте стрельбы едва расслышал крик Андрея Середенко:

– Справа обходят! С цистерн бьют!

Метрах в трехстах за асфальтовым шоссе из-за деревьев виднелись три огромных серебристых цилиндра, на которых несколько боевиков стоя стреляли в их сторону из автоматов. «Обкурились, наверно», – подумал Кравченко и поддержал Андрея несколькими очередями. Люди на цистернах исчезли. Тут его тронул сзади за плечо Парфенов:

– Саня, вертушка горит!

Они подошли к противоположной стене, и Кравченко увидел в окно в долине недалеко от того места, где шли боевики, горящий Ми-8.

– Сначала двигатель повредили, а когда сел, подожгли! – крикнул ему в ухо Парфенов. Кравченко в бинокль увидел недалеко от полыхавшего вертолета несколько человек. Видно было, что они отстреливались. В воздухе на малой высоте над ними кружили еще два вертолета. Один из них приземлился рядом с горевшим вертолетом. В него быстро загрузились люди из первой машины. Вертолет оторвался от земли метров на десять, завис, и тут двигатель у него задымился, он вновь сел на землю, и едва солдаты и экипаж выскочили, как тут же загорелся. Третий Ми-8 сел поодаль, метрах в трехстах. Винты еще вращались, когда из него выскочили солдаты и перебежками двинулись было к первым двум машинам, но тут же залегли. От горящих вертолетов то перебежками, то ползком к ним стали продвигаться те, кто был в первых двух машинах. Но в этот момент Кравченко заметил, что винт над приземлившимся вертолетом остановился, и его лопасти слегка обвисли. Из кабины выскочил человек, видимо, пилот, замахал руками и залег, отбежав метров двадцать от вертолета. Кравченко понял, что и этот вертолет повредили. «Да, влипли ребята!» – подумал он и взял рацию.

– «Горка», я «Орех-26»...

– «Горка» на приеме.

– «Духи» три вертолета подбили в километре от нас в долине, два горят... Там наших человек двадцать, мы помочь не можем! Броня нужна! Как понял?

– Понял! Оставайся на приеме...

Через пару минут Кравченко услышал:

– «Орех-26», посылаем две коробочки!.. Когда мимо вас пойдут, прикройте...

– Понял, понял!..

Минут через десять они увидели, как по грунтовке, поднимая пыль, на полном ходу к ним катят два бэтэра. Боевики, засевшие в развалинах какого-то небольшого завода, тоже их заметили и открыли огонь. Но выстрел из гранатомета и пулеметные очереди охладили их пыл, и бэтэры проскочили без проблем, не останавливаясь, обогнули блокпост и спустились в долину. И почти сразу заговорили их пулеметы. Один бэтэр подъехал к группе, что залегла недалеко от догоравших вертолетов, второй – к третьему вертолету. Когда загружались и отходили, пулеметы бэтэров беспрерывно молотили, не давая боевикам поднять головы.

И десяти минут не прошло, как бэтэры вернулись к блокпосту, остановились так, чтобы не попасть под обстрел из леса.

Кравченко с Парфеновым спустились к ним.

Оказалось, что это были спецназовцы, посланные на разведку путей подхода боевиков. А на Новые Алды у них коридор с мощным прикрытием. На него и напоролись. Всего на бэтэрах вывезли восемнадцать человек с раненым командиром. Майор был ранен в живот, когда выскочил из вертолета. Из-за него и остановились, чтобы оказать помощь, перевязать получше. Андрей Парфенов вколол раненому тубик промедола.

Были и потери: летчик первой «вертушки» сгорел в кабине.

Глава 4

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко:

Сегодня 7 августа, 10 часов утра. Ночь прошла относительно спокойно, с короткими перестрелками. Близко к себе «духарей» не подпускаем. Возможно, еще кого-то завалили. Утром крыша докладывала, что у светофора шлепнули одного «духа», но его затащили за угол. Утро – более или менее, но снайпера пощелкивают. Мы не расслабляемся.

Время 12:00. Снайпера стали бить по нашему КП. Пытаемся засечь и завалить. Пока обстановка нормальная. Шестой контроль «духи» почти полностью окружили. Ребята могут оказаться в заложниках и в осаде. Мы пока ничем помочь не можем, выехать не на чем, да и не разрешают.

7 августа. 14:10.

«Духи» начали сильный обстрел наших позиций и оперативного батальона тюменцев. Саранцы тоже в это дело включились. «Духи» бьют прицельно по нашему доту. У нас пока потерь нет. По нашим данным, завалили восемь «духов».

В рацию Лукина ворвался голос с акцентом:

– Служай, ты, давай поговорим как мужчина с женщиной... Зачем ты сюда пришел, сука! Давай договоримся по-хорошему: вы сдаетесь, мы вас отпускаем домой...

– Ага, уже побежали! – с усмешкой ответил Лукин.

– У вас женщины, угольщики голодают, а вы здесь бензин жрете! Сдавайтесь! – и с издевательской ноткой: – Вы же под защитой президента Бориса Николаевича, он вам амнистию даст... Вы видели его по телеку? Какой приятный человек! Обидно за вас!

– Ты что, курсы удуговские кончал?

– У вас в Ханкале связист есть хороший, позывной «Бархан», ты спроси его, кто я такой.

– Раз ты такой знаменитый, мы для тебя отдельную камеру приготовим со всеми удобствами! Так что торопись, руки в гору – и к нам!

– Да е...ал я тебя и твою маму!

– А я всю твою родню через калитку!

– Да у тебя даже позывной «двухсотый», в гробу поедешь отсюда!

– Это мы тебя видали в гробу в белых тапочках!..

Вошли Коваленко и Богатюк.

– Федорыч, с кем ты ругаешься?

– «Дух» вклинился, сдаваться предлагает!..

– Наплюй ты на него! Смотри, что мы во дворе насобирали, – высыпал Коваленко на стол пригоршню разной формы осколков и поставил хвостовик от разорвавшейся мины. – Покрупней калибр – туго бы нам пришлось.

Лукин взял осколок со спичечный коробок, повертел в руке и сказал:

– Не выбрасывайте, увезем в наш музей...

Юрий Богатюк сел на ящик, зажал ботинками банку с тушенкой и стал открывать ее самодельным ножом.

– Два часа. Давайте новости послушаем, – сказал Коваленко, включил транзисторный приемник и сел к столу, держа его на коленях. Послышался голос диктора:

– В эфире новости. В Грозном федеральные силы продолжают ликвидацию разрозненных групп боевиков...

– Разрозненные группы с минометами, – усмехнулся Коваленко и покачал головой.

– ...Ситуация в Грозном контролируется федеральным командованием. Части минобороны в город не вводились, – сообщил Интерфаксу начальник пресс-центра Игорь Мельников. По его словам, в город вошли боевики отряда Гелаева, ранее находившиеся в Шатойском районе. Мельников сообщил также, что интенсивность боевых действий к полудню заметно снизилась. По сообщению нашего корреспондента, вертолеты наносят авиаудары по скоплению боевиков. Применяется также артиллерия и штурмовая авиация. Продолжается ликвидация боевиков, блокированных на границе Старопромысловского и Заводского районов. Источник в одном из российских силовых ведомств подтвердил, что в районе Черноречья боевики уничтожили четыре вертолета федеральных сил. Судьба экипажей неизвестна.

– Три из них, наверно, те, что у Саши Кравченко на шестом контроле, – сказал Коваленко.

– ...По заявлению местных жителей, силы боевиков вошли сегодня в города Аргун и Гудермес. Однако эти данные не подтвердили ни в пресс-центре ОГВ, ни в МВД республики. В то же время главный штаб сепаратистов утверждает, что Гудермес взят практически без боя. Местная милиция переходит с оружием в руках на сторону боевиков...

Госкомиссия по урегулированию конфликта в Чечне потребовала от лидера чеченских сепаратистов Зелымхана Яндарбиева в течение ближайших двух часов осудить действия полевого командира Руслана Гелаева, под руководством которого боевики напали на Грозный. Заявление Комиссии передал Яндарбиеву через главу миссии ОБСЕ Тима Гульдимана ответственный секретарь Комиссии Сергей Степашин. В документе также говорится, что Яндарбиев и начальник штаба сепаратистов Аслан Масхадов должны принять все меры по выводу боевиков из чеченской столицы. В противном случае, Госкомиссия не будет больше вести переговоры. По словам Сергея Степашина, заявление согласовано с главой Госкомиссии премьер-министром Виктором Черномырдиным

Глава Чечни Доку Завгаев поставил перед прокуратурой вопрос о возбуждении уголовного дела по факту снятия трех блокпостов у въезда в Грозный. Об этом он сообщил Интерфаксу. Доку Завгаев подчеркнул, что именно после снятия трех блокпостов боевики проникли в Грозный...

Дослушать до конца новости не удалось. По стене снаружи забарабанили пули, раздались разрывы ВОГов и мин. Затрещивал телефон связи с комендатурой.

– 200-й, я «Мирный»...

– На приеме...

– Не высовывайтесь, пока обстрел не прекратится, будьте в укрытиях...

– Понял, – сказал Лукин, удивляясь заботливости коменданта, и побежал к люку, ведущему на чердак. Сначала проверил позицию в центре крыши. Здесь из-за мешков стрелял из пулемета Саша Швец, а Кузнецов выцеливал в сторону больницы из СВД. Голый по пояс Неупокоев Володя, их главный связист, выпустив очередь из автомата, прислонился спиной к мешкам с землей, жадно закурил и пробормотал, виновато улыбаясь:

– Жарко...

– Как у вас? – спросил Лукин.

– Нормально, – повернул голову Кузнецов – Только снайпер задолбал. С больницы бьет с ПБС, похоже, вспышки не видать, засечь не могу никак. Вон одна пуля в ящик с песком ушла, – показал он отверстие в доске ящика.

– Ладно, поаккуратней! Не высовывайтесь... – сказал Лукин и побежал, наклонившись, на угол дома, откуда доносились частые хлопки из АГС. Автоматический станковый гранатомет на угол дома они водрузили сегодня утром, притащив его из тюменского БОНа. Майор Князев выделил и расчет к нему – двух солдат, один из которых – наголо остриженный контрактник Петр и вел огонь, когда Лукин присел рядом с Егоровым, стрелявшим из пулемета.

– Лезут и лезут к складу, – сказал он, увидев Лукина и махнув рукой в сторону кафе.

Несколько выстрелов из АГС легли удачно. Сначала разлетелась в разрыве часть покато́й шиферной крыши, а затем на углу появилось пламя – будто костер развели. Правее, у электрического столба, все так же лежал убитый вчера боевик.

«Сюда больше вряд ли полезут», – подумал удовлетворенно Лукин и спустился вниз к доту.

По доту долбили особенно настырно, но и здесь близко «духов» не подпускали. Так что держаться можно было.

Через полчаса обстрел прекратился. На ПВД то тут, то там раздавались лишь отдельные очереди и выстрелы.

Лукин вышел из дота и направился по двору к туалету, что был возле забора. Проходя мимо тополя, увидел на земле рыжую хвостатую крысу. Заметив Лукина, она недовольно пошевелила усами и не спеша побежала к забору. В это время над головой он услышал взрыв и с удивлением увидел, как полкрысы спереди не стало, и только кончик хвоста судорожно затрепетал. Он какое-то мгновение смотрел на обрубок крысы, не понимая, как это могло случиться, и лишь когда сверху на него посыпались ветки и листья, понял, что ВОГ прилетел. Несколько секунд постоял в оцепенении, как бы прислушиваясь к себе. Затем пошевелил руками, зябко повел плечами и, убедившись, что не зацепило, усмехнулся: «Теперь самое время в сортир сходить!»

Когда вернулся в расположение, к нему подбежал «командующий южным фронтом» Василий Анушкин:

– Николай Федорыч, хреново дело, почти без воды остались, цистерну осколками пробило...

Лукин вышел во двор и направился за угол, где стояла небольшая двухколесная цистерна с овальными торцами. На боку, шутя, ребята белой краской аккуратно написали название омской пивной компании ROSAR. В цистерне было несколько дырок на разном уровне, но главная пробоина – палец залезет – у самого днища, так что воды осталось только та, что на кухне в бачках и термосах. Дня на два не больше...

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко

7 августа. 20:33.

Только что удалось посмотреть программу «Вести» по телевизору, подключились к автономному движку, чтобы получить хоть какую-то информацию о том, что творится в городе. Испытываем некоторый информационный голод, потому что ни Центральная комендантура, ни так называемый Координационный центр МВД не заботятся о том, чтобы дать полную, конкретную информацию, что делается в городе. Узнали, что возле правительственных зданий, там, где находится Координационный центр, идут сильные бои. «Духи» зажимают. Пресловутые наши руководители Координационного центра молчат. Лишний раз вспомнишь недобрый слоган начала нашей командировки, когда в Координационном центре просили боеприпасы, просили подбросить побольше нам выстрелов к подствольникам и т. д. На это нам ответили: вот расстреляете эти, тогда придете получать. А получать оказывается поздно.

Ребята держатся хорошо. Пока не унывают, улыбаются, шутят, настроение бодрое. Может, у кого и не очень, но все стараются скрывать, подбадривают друг друга.

Сейчас, в 20:45 состоится развод. Ночная группа уйдет на посты: на крышу, на КПП, займет бойницы. Первая смена отстояла почти 12 часов. Были короткие

перестрелки. В небе кружатся «вертушки», видим, как они обрабатывают. Душно. Воду экономим. Ребята на блоках тоже держатся. С водой у них очень даже неважно. На связь выходят редко, экономят батарейки. Им сложнее, чем нам. Нам все-таки попроще, нас больше, и оборонка сильнее. Мы пока хорошо держимся. Думаю, все будет благополучно.

Глава 5

Почти весь день высоко в небе висел вертолет, освободивший Кравченко от необходимости корректировать артиллеристов 101-й бригады. Как уж там умудрялся с такой высоты рассматривать группы боевиков, но помощь от минометных обстрелов почувствовалась сразу: стрелять по ним стали пореже и пожиже. В одну из передышек Кравченко с Фаргером и Висловским с термосами побежали в баньку, где стояла двухсотлитровая бочка с водой. Но набирать оказалось нечего: бочка была изрешечена осколками гранат и пулями так, что воды осталось только на дне – на один термос. Негусто для двадцати четырех человек. Кравченко с Олегом объявили всем о случившемся и установили на сегодняшний день норму – по стакану на человека. Приказали также беречь патроны, наугад не стрелять, только на поражение видимых целей.

Сообщили в 101-ю бригаду о положении с водой, там обещали привезти, как представится возможность. Но когда такая возможность представится? Вот опять с двух сторон начался обстрел. Ответили из гранатомета двумя выстрелами и короткими очередями.

В небе появились еще два вертолета, ударили по лесу НУРСами и тут же, набрав высоту, зависли на одном месте. Через несколько минут в ста метрах за перекрестком раздался оглушительный взрыв, такой мощный, что воздушной волной едва не смело тех, кто был на крыше. «Кому расскажешь, что вертолеты бомбили, не поверят», – подумал Кравченко, хотя сам этому не удивился: в армии умельцев хватает. Сам видел, например, закрепленный на бэтээре АГС. На всякий случай с крыши спустились.

И вовремя это сделали! Кравченко стоял у окна амбразуры, как вдруг увидел, что из котлована, что был сразу за асфальтом шоссе, взметнулся огромный огненно-черный опрокинутый конус, тут же землю трянуло так, что он невольно присел на корточки. В воздухе оглушительно грохнуло, и вдруг стало абсолютно тихо. Он поднял голову и едва различил у противоположной стены обхвативших головы ладонями ребят – столько было в комнате пыли. Он в испуге надавил пальцами на уши и затряс головой. Обрадовался, когда, убрав руки, различил треск стрельбы.

– Все целы? – спросил он, вставая, и почувствовал, как к горлу подступила невесть откуда взявшаяся тошнота.

– Целы, – ответил кто-то, отплеываясь.

Кравченко достал из кармана рацию.

– «Горка», «Горка», я «Орех-26», я «Орех-26»...

– «Горка» на приеме...

– Передайте вертушкам, они что, охренели! Нас бомбят! Еще бы метров десять, и всем нам п...ц!

– Понял, понял. Сейчас свяжемся...

– Да и десяти метров не надо, – сказал Олег, подойдя к окну. – Хорошо, что в котлован попала, а то бы снесло нас, как карточный домик!

Когда пыль осела, они увидели, что их дом едва не развалился пополам: как раз посередине, по стенам, полу и потолку, зияла сквозная трещина – ладонь можно просунуть.

Контужены были практически все. После взрыва часа два ходили будто вареные, а некоторым пришлось отлеживаться.

Глава 6

**Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко
8 августа. 16 часов.**

На связь вышел Саша Кравченко «контроль» 6-й. Там в небе наша авиация, но почему-то кладут бомбы на их КП. Ребятам несладко, но потерь пока нет.

8 августа. 20:30.

У нас некоторое затишье. Уже часа полтора не сделали ни одного выстрела. Только что выходил на связь 6-й «контроль» и 4-й. У них тоже тихо. Только что смотрели «Вести» по телевизору. Ничего понять не можем. Прибывают колонны с бронетехникой федеральных сил, а разрядки не наступает. По некоторым косвенным данным, которые можно почерпнуть из радиоперехватов, большое количество боевиков скопилось в нашем, Октябрьском районе. Как будут развиваться события ночью, не знаю, но готовимся основательно.

9 августа 1:10 ночи.

В 0:45 на связь вышел с 6-го «контроля» Кравченко. У них в течение двух часов шла перестрелка. Сейчас командира вызвал на совещание комендант. Видимо, есть какие-то новые данные, либо задание.

Комендант Октябрьского района подполковник Морозов обвел красными воспаленными глазами вызванных им шестерых командиров и сказал:

– Из ГУОШа получен приказ расширить зону действия нашего ПВД и произвести зачистку близлежащих улиц...

Лукин переглянулся с командиром тюменского БОНа майором Князевым, и они криво усмехнулись.

Заметив это, комендант устало проговорил:

– Николай Федорович, мне понятен ваш скептицизм, но приказ есть приказ... Поэтому для начала займемся больницей. Вы все сами жаловались, что с нее вас больше всего донимают, вот завтра с утра и будем ее брать. Извиняюсь, не завтра, а уже сегодня, – глянул он на часы. – Чтобы долго вас не задерживать, доведу задачу: больницу взять, лестничные пролеты все взорвать, а деревянные перекрытия и полы сжечь, ибо сил у нас, чтобы занять ее и удержать, недостаточно. Теперь смотрите сюда, – подполковник Морозов нарисовал мелом на школьной доске, висевшей у него за спиной, план П-образного здания. – Сначала пять минут обрабатываем все этажи с нашей стороны из всех стволов, а затем с двух направлений входим в здание. Собровцы, омичи и приморцы от будки трансформаторной, там окопы есть, удобно сосредоточиваться, Тюмень и Саранск идут справа... Майор Князев отвечает за взрывчатку, собровцы несут канистры с бензином... Чтобы толкучки лишней не было, думаю, по тринадцать человек от каждого подразделения будет достаточно. Действовать по моей команде, связь по рации. Если вопросов нет, то все, до утра, товарищи!

Пятиэтажное здание больницы обращено было к ним торцом и глядело пустыми глазницами окон в красных кирпичных стенах. Лукин посмотрел на часы: скоро час как он со своими сидел в окопах за трансформаторной будкой. С ним было тринадцать человек. Егоров обмотал вокруг пояса и крестом на груди пулеметные ленты и стал похож на революционного матроса. Кто-то съехидничал по этому поводу, мол, тебе не больницу в пору, а Зимний брать!

Пора было уже начинать, но волгоградские собровцы задерживались...

Но вот наконец и они появились с пятью двадцатилитровыми канистрами бензина. Лукин доложил о готовности коменданту.

Прошло еще минут десять, как началась «артподготовка»: с ПВД раздался шквальный огонь из автоматов, пулеметов и подствольников. Били в окна по всем этажам с первого до пятого. Канонада была столь внушительной, что Лукин, как и все, кто был рядом, с любопытством смотрели на ее результаты. Поначалу было видно, как пули, попав в стену, выбивали фонтанчики красной пыли, как расцветали черные бутоны разрывов ВОГов и тут же увядали, смешиваясь в единые багрово-серые клубы. Эти клубы поначалу жались к стенам больницы, полностью закрывая их, но чем дольше продолжался обстрел, тем сильнее они разбухали, отодвигались от стены, и, медленно опускаясь, растекались внизу вширь. Так что скоро все здание исчезло из виду, будто погрузилось в огромную оранжевую грозювую

тучу. Только вместо молний из этой тучи выскакивали бело-зеленые точки трассеров, отскакивавших от стены и падавших по крутой дуге на землю...

Обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Оранжевые клубы стали рассеиваться. Самое время, пока не видно, сделать бы бросок к больнице. Но вместо команды «Вперед!» Лукин услышал по радиии:

– 200-й, я «Мирный», задержитесь, 395-й не готов...

Какая-то заминка у тюменцев.

Прошло несколько минут. Пыль еще не успела полностью осесть, как вновь начался обстрел больницы. И вновь все повторилось, как в первый раз. Через пять минут здание вновь исчезло в оранжевых клубах пыли. Но на этот раз, как только обстрел прекратился, из-за будки пошли собровцы цепочкой, за ними Лукин со своими. Справа также змейкой бежали к дверям больницы солдаты из БОНа и саранцы. По лестничному маршу взобрались беспрепятственно. Канистры с бензином оставили пока на лестничной площадке и пошли зачищать по этажам. Каждому подразделению свой этаж. Лукину достался четвертый.

Зачищали не спеша: прежде чем в какую комнату заглянуть – очередь туда или еще надежнее – гранату. Закрытые двери цепляли за ручку «кошкой» и дергали за веревку – береженого Бог бережет! Через полчаса так дошли до другого крыла. И тут по радиии майор Князев:

– 200-й, как у вас?

– Все нормально.

– У нас тоже. На лестницу не ходи, сейчас взрывать будем!

Лукин вернулся в правое крыло здания.

Егоров принес канистру с бензином и стал разливать его на деревянные полы в комнатах, обращенных в сторону их ПВД. А из окон пятого этажа уже валил черный дым. Они тоже подожгли свои и спустились по лестнице на первый этаж. Там Князев со своими солдатами минировал лестничный пролет. Уже с улицы Лукин услышал взрыв и увидел, как из окон вырвались клубы пыли и дыма.

Из аудиодневника подполковника милиции Коваленко

9 августа. 11:50.

На улице Павла Мусорова возле памятника появились отдельные боевики и открыли огонь в нашу сторону. Дали им достойный отпор. В 12 часов хотели послушать новости, но в Москве все увлечены коронацией президента. Наши только что вернулись с боевого задания: освобождали больницу. Потерь нет.

Выходили на связь «крепкий орешек» под номером 26. Пока держатся, но им очень тяжело. Воды, как я понял, никто им не доставил и не доставит. Лишний раз вспомнишь поговорку: «Родина нас не забудет, но и хрен вспомнит!».

12:59. Попробуем послушать новости.

Диктор: «В настоящее время на 12:40 в центре Грозного идет обстрел из тяжелых орудий. Пока открытых столкновений войск МВД с боевиками нет. Дом правительства и Дом представительства Российской Федерации в Чечне практически полностью сгорели. Напоминаем, что наш корреспондент находится в подвале гостиницы в самом центре Грозного. Дополнительную информацию о том, что там происходит, сообщил нам министр информации в правительстве сепаратистов Мовлади Удугов».

Удугов: «Здание МВД взято под контроль, здание правительства взято под контроль, сейчас там пожар. А сейчас идет бой за здание ФСБ, жестокий бой. По поводу гостиницы мне сказали, что пока гостиница обстрелу не подвергается, но я точно не знаю, что там происходит. Я еще раз связывался с командирами через центральную связь и напоминал, чтоб с гостиницей осторожно, что там люди в подвале. Я уполномочен как министр информации и печати дать указания, что журналисты – это неприкосновенные люди, и командиры обязаны подчиняться этому моему распоряжению. Всем командирам такое распоряжение отдано через главный штаб».

Диктор: «В Грозном боевиками заблокировано около 7 тысяч сотрудников МВД – сообщил Интерфаксу представитель командования федеральных сил в Чечне. По его словам, ситуация полностью вышла из-под контроля командования. Заблокированные в

Грозном части даже не предпринимают попыток атаковать боевиков, ограничиваясь пассивной обороной, сказал представитель командования.

Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело по факту нападения незаконных вооруженных формирований на город Грозный. Как сообщил корреспонденту РИА «Новости» старший помощник прокурора Александр Звягинцев, в ходе следствия будут тщательно исследоваться все обстоятельства произошедшего, в том числе действия военнослужащих, милиции и Внутренних войск».

Вот и послушали новости. Разве из них что-то можно понять! Такое ощущение, что только Мовлади Удугов всю информацию им передает. А наш Координационный центр молчит глухо-глухо. Или они все участвуют в инаугурации, блядь!

Сейчас у нас 14:00. Уже два часа не прекращается перестрелка. Из зеленки бьют по нашему расположению. Ведем ответный огонь.

14:20.

Только что обстреляли нас из минометов.

Глава 7

Оранжево-красный диск солнца едва лишь выглянул на востоке, но бьющие прямо в глаза лучи почти ослепили так, что дорога на Аргун из Грозного стала почти не видна. Анатолий Агарков, отстоявший ночь в наряде у амбразуры дота, надел модные прямоугольные солнцезащитные очки, подтянул на лоб зеленую косынку и стал похож на солдата удачи из какого-нибудь заморского фильма. Вдруг он услышал, как за спиной захлопали крылья. Оглянувшись, увидел, что на бруствер траншеи, соединяющей дот с землянкой, где жили солдаты из 101-й бригады, взлетел белый петух, захлопал крыльями и, вытянув шею в сторону дота, громко прокукарекал три раза. Потом важно развернулся в сторону землянки и также старательно трижды прокричал протяжно: «Ку-ка-реку-уу!». Из землянки вылетел сапог и упал возле петуха. Тот спрыгнул на дно траншеи и забежал в дот. Петух этот достался от рязанских омовцев, которых омичи заменили на этом двадцать четвертом блокпосту. Рязанцы купили его на закуску, но не успели употребить. У омских омовцев тоже не поднялась рука на такого красавца, его прозвали Белый Орел и поставили на довольствие. По крайней мере, с обязанностями будильника он справлялся исправно. Однако именно за это его невзлюбили солдаты. Вот и сейчас к Агаркову подошел заспанный сержант, попросил закурить и хмуро сказал:

– Когда вы его сожжете? Задолбал, спать не дает, каждое утро в такую рань будит!..

– Белый Орел – птица неприкосновенная!

– Ага! Мы б его давно слопали!

– Не вздумайте! Иначе будет международный скандал, – усмехнулся Агарков и тут же невольно пригнул голову: в дот ударила граната из подствольника.

Белый Орел, до этого важно бродивший рядом, изредка склоняя голову набок, будто прислушиваясь к разговору, услышав взрыв, растопырил крылья и моментально забежал под кровать Игоря Стенина. Тот поднял омовцев, все заняли места у амбразур и открыли огонь по полуразрушенной больнице, откуда вслед за выстрелом из подствольника заговорили автоматы и пулеметы.

– Наши на ПВД взяли свою больницу. Хорошо бы и нам эту почистить! – крикнул Агарков Стенину.

– Лучше я на нее артиллерию наведу, – ответил Стенин и включил рацию:

– «Горка», «Горка», я «Орех-24», я «Орех-24»... Подбросьте гостинцев на больничку! Как понял?

– «Орех-24», вас понял, сейчас даем!

Через несколько минут слева от больницы поднялись два черных столба земли. Стенин подкорректировал огонь, и следующие снаряды легли прямо в корпус, вызвав удовлетворительные возгласы внутри дота.

Стрельба из больницы прекратилась. Но почти сразу со стороны Аргуна донеслись звуки разгоравшегося боя.

От Ханкалы в небе появились две пары штурмовиков. Они заложили вираж, прошли на бреющем вдоль дороги на Аргун и сбросили бомбы на «зеленку» в километре от

блокпоста. Следом прошли три «вертушки», обработали ту же «зеленку» НУРСами. Отчетливее становились длинные пулеметные очереди, аханье гранатометов и пушек бээмпэ.

Через полчаса они увидели, как на дороге, выползая зеленой огромной сороконожкой, колонна бээмпэ и бэтээров.

Когда колонна сравнялась с блокпостом, от нее отделились два бэтээра, подрулили к доту и остановились. Из одного вышел майор и попросил, чтобы взяли на время четверых раненых и переправили в Ханкалу.

– У нас-то техники нет, сообщу в 101-ю бригаду, если отвезут...

– Ладно, ладно, давай так. Я тоже попробую с ними связаться, а сейчас мы в город...

В бинокль было видно, как колонна медленно и осторожно втягивалась проспектом, ведущим к Минутке, и едва, последняя машина скрылась за домами, оттуда донеслись громкие раскаты стрельбы.

Глава 8

Возле крыльца, сидя лицом друг к другу на лавке, Виктор Коваленко и Василий Анушкин сшивали из трех полос российский флаг. На белую полосу пошло вафельное полотенце, на синюю и красную Василий Анушкин нашел у кого-то из бойцов своей роты футболки и уговорил их пожертвовать на общее дело. Впрочем, и уговаривать долго не пришлось: как узнали для чего, сразу воодушевились, мол, давно надо было поднять, обозначить российскую территорию.

А идея поднять флаг родилась в голове Коваленко, когда Лукин с ребятами вернулись после зачистки больницы. Он ему говорит, мол, надо было поднять над больницей российский флаг назло «духам» и тут же добавил: «Федорыч, а давай над нашим детским садом поднимем». – «Хорошо бы! – загорелся Лукин. – Только где его взять?» – «Сами сошьем», – ответил Коваленко.

И сегодня, пока они с Анушкиным кроили и шили, ребята придумали и на чем его водрузить. Нашли где-то трехметровый металлический уголок.

Подошел возвратившийся из комендатуры Лукин:

– Ну как дела?

– Готово! – откусывая нитку у стыка красной и синей полосы, сказал Коваленко и разгладил ладонью шов.

– Отлично! Вечером повесим. А сейчас соберите всех, кто не на позициях, – на инструктаж!

Мимо прошли в колонну по одному пятеро солдат из тюменского батальона, на смену своим, оборудовавшим позицию рядом с дотом. Один из них достал из стены-«календаря» пластиковую бутылку с водой, открутил пробку и стал пить.

Увидев это, Лукин закричал сердито:

– Ну-ка положи назад!..

Солдат растерялся, покраснел.

– Это ж из лужи вода! Госпиталю тут для тебя нет!

Солдат положил бутылку на место, а Лукин сказал Анушкину:

– Скажи своим, чтобы воду из бутылок вылили и песку насыпали в них. Не хватало нам еще на ПВД какой-нибудь холеры!

– Кажется, дождь начинается, – улыбаясь в усы, проговорил Коваленко и вытянул руку ладонью вверх.

По крыше забарабанили капли дождя. С запада небо сплошь было затянуто темно-синими тучами. Пошел сильный дождь.

– Так, давайте все бачки, ведра, термоса выноси! – крикнул Лукин, побежал на кухню, вернулся с бачком и подставил его под струю, льющуюся с крыши. – Похоже, надолго зарядил, надо будет и большой бак набрать, – кивнул он на бак, который остался от детского сада: был он меньше пробитого, но ведер тридцать, по всему, в него входило.

Через полчаса Лукин проводил инструктаж:

– Сейчас будем делать зачистку улиц. Мы работаем под прикрытием СОБРа. Егоров, ты идешь с правой стороны. Анушкин – с левой. Принимайте все меры предосторожности!

Никто нас не торопит. Все делайте аккуратненько... Если надо, хоть в грязь ложись. Сколько гранат? У каждого по две есть? У кого нет? Витя, быстренько гранаты выдать!

Коваленко с Борисом Черновым принес гранаты. Две группы по восемь человек погрузились на «Урал» и выехали с ПВД.

Комендант убедительно просил Лукина самому на эту зачистку не ходить. И все те часы, которые ребят не было, он ни на секунду не выпускал из рук рацию. И лишь когда они вернулись, промокшие до нитки и грязные, облегченно перевел дух.

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко:

10 августа. 9:25.

Пятый день осады. Мы пока держимся нормально. Есть боеприпасы, но не очень много. Еды хватает.

У саранцев сегодня под утро один «двухсотый». Снайпер его в оконном проеме прямо в голову.

Что будет дальше, понять трудно. Сегодня комендант по телефону сообщил, что вроде как войска начинают вытеснять «духов» из города. Слушаем армейскую радиостанцию, передают с различных контролей, что боевики прикрываются женщинами и детьми и пытаются совершать нападения на блокпосты. Указание одно: это война, и если есть угроза захвата поста, открывать огонь на поражение по всему, что движется... Сложно все это. Сложно.

Выходил на связь 6-й «контроль». Ночью по ним били снайпера. Воды уже двое суток нет. Стенину несколько легче, через них проходят армейские колонны, там как-то эти вопросы решаются.

Разговаривал с нашими соседями из амурского ОМОНа, они стоят на 15-м, 16-м «контроле». На 16 «контроле» уже пятые сутки лежат два «двухсотых» и четверо раненых, они их не могут вытащить оттуда.

Вчера над нами крутились штурмовики, и мы поняли, насколько плотно нас боевики обложили. Самолеты, которые заходили на позиции боевиков, обкладывали таким автоматом-пулеметным огнем, что казалось, мы здесь в тройном кольце, как на Северном или на Ханкале. К нам они пока вплотную не суются, бьют издалека. Мы в долгу не остаемся. Я думаю, что за время осады счет в нашу пользу. По предварительным подсчетам, человек двенадцать завалили.

10 августа. 10:30.

Только что прошел инструктаж по зачистке. Пока относительное затишье. Льет сильный дождь. По некоторым разговорам, 101-я бригада должна освободить площадь Минутку и закрепиться там. Насколько это получится, неизвестно. У нас все живы здоровы. Мы можем еще долго попортить «духам» крови, оставаясь за крепкими стенами. Надеемся, что все-таки после проведения коронации президента там кто-то почешется, что такие оплеухи получать несолидно такому солидному человеку!

10 августа. 13:30.

Бой идет на Минутке. 101-я бригада. Наши обрабатывают в это время третью улицу. Пока все благополучно.

«Вертушки» заходили. Плотно положили, очень плотно.

Только что на связь вышел Саша Кравченко с 6 «контроля». Передает, что в низине передвигаются по дороге «духи». Пытаемся связаться с комендатурой, чтобы они скорректировали и авиацией поработали.

10 августа. 16:45.

Наша группа только что вернулась с прочесывания улиц. Поработали хорошо. Обезвредили один снаряд и гранату. «Духов» не обнаружили. Видимо, они отвлеклись на 101-ю бригаду. Рядом на Минутке грохочут взрывы. Идет дождик. С водой стало полегче.

Бампер «Урала» с надписью во всю ширину WHITE EAGLE, что в переводе с английского означает БЕЛЫЙ ОРЕЛ, почти уперся в стену здания, в центре решетки

радиатора сверкнули два стеклянных кругляка противогазной маски, открылась левая дверка кабины с бронезиловым вместо бокового стекла, оттуда выскочил водитель Виталий Ходыкин и вбежал на крыльцо, с которого снимал их на видеокамеру Володя Неупокоев. Из-под брезента кузова выпрыгивали омоневцы и трусцой спешили под крышу. Увидев камеру, заулыбались, а Борис Чернов сказал:

– Жалко, тебя с нами не было, снял бы, как я ухнул в кювет по колено в воду!..

Со стороны Минутки слышалось несколько громких разрывов.

– Ну что там, скоро пьяная бригада Минутку возьмет? – спросил кто-то.

– А кто их знает, – ответил Егоров, – на одном доме видели российский флаг.

– Это радует, – сказал Коваленко. – Федорыч, пора бы уже и наш водрузить!

– А где он? – оживился Лукин.

– На чердаке. Уже прикрепили, осталось только поставить.

– Ну так пошли! Володя, камеру возьми, заснимешь на память.

Взобравшись на чердак, Лукин первым схватил уголок с примотанным проволокой к его концу флагом и азартно пробормотал:

– Давай сюда, сюда, к центру ближе!.. А то чеченцы кричат по рации: «Сдавайтесь!»

Вот хрен им!

Они пробили возле стойки, поддерживавшей стропила, отверстие и просунули в него конец уголка с флагом. Лукин отошел на край чердака, где была огневая позиция и листы шифера сняты, посмотрел на флаг и скомандовал:

– Выше, выше давай!

Анушкин поднял уголок и стал прикручивать его к стойке проволокой.

По-прежнему шел дождь. Лукин увидел, как дунул слабый ветерок, и флаг на короткое мгновение развернулся, будто примеряясь к месту.

– Дай-ка, – выхватил Лукин у стоявшего рядом омоневца автомат и, смахнув мокрые пряди волос со лба, с каким-то азартным «э-эх!» вскинул автомат над головой и, улыбаясь радостной и яростной улыбкой, стал бить очередями в темное сырое небо!

– Салют состоялся в 18:35! – прокомментировал Коваленко.

Когда они спустились вниз, на связь вышел командир тюменского БОНа майор Князев:

– Двухсотый, вижу ваш флаг! У нас российского нету, поднимаю красный. Хрен они нас возьмут!

Глава 9

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко

11 августа. 4:30 утра.

Командир ушел на совещание в комендатуру. Опять что-то затевается.

4-й «контроль» выходил на связь и передал кодовой таблицей «35-02». Это значит, все нормально. 6-й «контроль» не выходил с вечера.

11 августа. 8 утра.

Продолжается наша осада. Сегодня уже шестой день. В 7:30 утра группа в 13 человек ушла с командиром на 13-й «контроль». Оттуда надо вывезти раненых, убитых, помочь водой и медикаментами. Вместе с нашими работают волгоградский СОБР, тюменский оперативный батальон, саранский батальон милиции, амурский ОМОН и волжский ОМОН, но эти ребята не очень надежные, много ветра в голове.

В 6:30 вышел в эфир 6-й «контроль» – Андрей Парфенов. Старается держаться бодро. Дал понять, что воды набрали, а вот с боеприпасами тяжеловато. Он выразился так: «Игрушек не хватает». Никто им не помогал артиллерией. Всю ночь они отбивались самостоятельно. Наседали с двух сторон. Парни держатся, мы очень за них переживаем.

Лукин стоял перед строем омоневцев, вглядываясь в лица своих ребят, в большинстве небритых, изможденных и заспанных. Нужно было отобрать тех, кто пойдет с ним. Он мог бы приказать, но сделал, как всегда в таких случаях.

– Сейчас пойдём на помощь 13-му блокпосту. Идти придется по улицам, где наверняка есть боевики. Поэтому пойдут только добровольцы... Мне нужно двенадцать человек. Добровольцы, выйти из строя!

Обе шеренги дружно шагнули вперед. Лукин знал, что так и будет: не первая же командировка, но все равно в глубине души ощутил какую-то гордость за своих и благодарность.

– Со мной пойдут Ходыкин, Егоров, Биркле, Просвирнин...

Они медленно продвигались по улице, прижимаясь к стенам домов, готовые на каждое движение в окнах домов на противоположной стороне открыть огонь. Здесь же шел бэтээр, настороженно вращая башенкой с пулеметом. Координировал действия подполковник Морозов из комендатуры. Его позывной «Мирный» постоянно появлялся в эфире, и по ответам «Соболя» – тюменцев, собровцев и амурских омовцев, у которых позывные были «Море-3» и «Море-4», Лукин хорошо представлял, кто, где и как продвигается. Впереди показался перекресток. В это время «Мирный» сообщил, что плохо слышит Лукина, тот связался с собровцами, сидевшими в бэтээре.

– «Море-4», попробуй связаться с «Мирным», что-то он меня плохо слышит,

– 200-й, «Мирный» меня принимает.

– «Море-4», включи на полную мощность.

– На полной работаем, я тебя прекрасно слышу.

– На приеме «Мирный». Принимаю вас хорошо, но где-то там танкету опускаете...

Перед перекрестком приостановились. Пятиэтажки, вдоль которых они продвигались, закончились. За перекрестком справа виднелось несколько одноэтажных недостроенных домов. А дальше, за очередным перекрестком, снова пятиэтажки, перед которыми метров двести открытого пространства.

– Гена, останешься пока здесь на углу, – сказал он представителю комендатуры с картой, которому выпало быть артнаводчиком, у него была связь с Ханкалой. И Ходыкину: – Виталий, видишь вон справа кирпичный недостроенный дом? Перебегаем – и сразу в него... Пошли!

Омовцы побежали к дому, а он скомандовал по радиации:

– Броня, давай вперед!

Бэтээр ехал через перекресток с такой же скоростью, с какой он бежал к дому. На бегу он увидел, как омовцы ткнулись в двери дома, но те оказались закрытыми. Они, не теряя времени, запрыгнули в дом через окна. Он уже поравнялся с домом, намереваясь прыгнуть к своим в окно возле дверей, как вдруг воздух впереди будто раскололся. И по той частоте, с какой пули звонко забарабанили по броне, он понял, что не успеет пробежать те десять метров, что отделяли его от кирпичной стены одноэтажки, и как подкошенный упал ничком на землю, услышав из радиации густо замешанный на мате крик:

– Забрало спрячь, блядь! Убери забрало! Пошел по триплексу! Башню заклинило!.. Разворачивайся, уходи на хер!..

Бэтээр, пятясь и стреляя из пулемета, исчез из виду.

Слева взбитый пулями асфальт, казалось, кипел. Лукин повернул голову, поднял глаза вверх и на мгновение обомлел. Он вдруг явственно увидел, как с верхних этажей под углом к земле летели в его сторону черными точками пули. Обеими руками стал лихорадочно сгребать перед собой остатки щебня и кусочки застывшего цемента. Рука наткнулась на белый эмалированный бачок, в каких обычно держат в частных домах воду и хотел отбросить его в сторону, но бачок оказался неподъемным. Лукин опрокинул его на бок и увидел, что он более чем наполовину заполнен застывшим цементным раствором. Моментально поставил его перед головой и вовремя: тут же несколько пуль ударило в бачок так, что он ткнулся в «сферу».

– Дверь, дверь откройте! – закричал он стрелявшим из окна омовцам.

– Она на замке! – крикнул Ходыкин.

– Ломайте! – яростно заорал Лукин.

Изнутри слышались удары в дверь, но она не подавалась. Из радиации истошный вопль:

– Захерачили, захерачили!.. Один лежит «трехсотый» тяжелый... Не можем вынести!

«Ну что они там возятся!» – мелькнула досадная мысль, и наконец дверь распахнулась. Несколько пуль тут же ударило в нее. Это удержало его от желания немедленно вскочить и бежать в дом. Рядом по-прежнему густо выростали фонтанчики пыли.

И тут он различил звук работающего двигателя: из-за перекрестка вновь выскочил бэтээр и, двигаясь то вперед, то назад, зарокотал из своего КПВТ. Лукину показалось, что воздух над ним посветлел из-за того что почти весь огонь с пятиэтажек сосредоточился на машине. Он вскочил и за несколько прыжков вбежал в дом.

– Николай Федорыч, не ранен? – спросил Ходыкин.

– Нет.

– Ну и счастливый же ты!

– Счастливый... Хорошо, ребята выручили! Да еще отсюда надо выбраться!

С противоположного от них угла улицы, где остался артнаводчик, Лукин увидел, как в небо взвилась зеленая ракета. Это был сигнал для 101-й бригады, что здесь свои. Можно было и не пускать ракету, понятно, что встретили их «духи». И, похоже, ждали.

– Гена, на высотки, на высотки наведи САУ! – закричал артнаводчику Лукин. Тот махнул рукой, что понял, и склонился над картой. Лукин, прижавшись к стене, смотрел в оконный проем на пятиэтажки, ожидая начала артобстрела. И вдруг увидел, как соседний одноэтажный частный дом неожиданно приподнялся, рассыпаясь в воздухе, и исчез вместе с огненно-черным столбом.

Сообразив, что произошло, Лукин закричал через улицу:

– Ты что делаешь, сучонок! Я тебя сейчас расстреляю!..

– Ой, ой, «Кубань», «Кубань», – раздался отчаянный вопль артнаводчика, – я перепутал: не седьмой лепесток, а восьмой!.. Восьмой лепесток! Как поняли? Прием...

Вскоре разрывы переместились к высоткам, впрочем, не причиняя им особого вреда.

По-прежнему стрельба – не высунуться. Связался с комендатурой, доложил обстановку.

Минут через пять услышал:

– Я «Мирный», всем отходить! Прошла информация, что они вас справа обходят... К вам пойдут еще две коробочки из 101-й бригады. 200-й, где находишься?

– На пятой улице на перекрестке... Нам здесь не отойти, все простреливается, попробуем по соседней улице!..

– 200-й, я «Море-4», узнай, по какой улице к нам коробочки пойдут, я плохо слышу...

– «Мирный», «Море-4» запрашивает, с какой стороны будут идти коробочки?

– 200-й, от Зозулина, Сайханова... 200-й, там ребят, «соболей», зажали рядом с вами в частном доме. Помогите им выйти, раненые у них. За каждого отвечаешь, понял!

Через окно они спрыгнули во двор дома и, прячась за стенами, побежали от перекрестка к соседнему дому.

– Егоров, сюда «бананы» из батальона забежали, позови их!

Егоров вбежал в дом и увидел присевших в углу и прижавшихся друг к другу шестерых мальчишек-солдат.

– Уходим, уходим! – закричал он и выскочил обратно. Но из дома никто не появлялся. Егоров вновь вбежал внутрь – солдаты все так же сидели в углу. Матерясь, пнул двух под зад:

– Отходим, говорю! Забирайте все и пошли!

– Сбились в кучу, кое-как пинками выгнал! – подбежал возбужденный Егоров.

Следом за ним семенили солдаты. Двое на брезенте волокли за ноги своего товарища так, что голова его моталась и подпрыгивала.

– Че вы его так неаккуратно несете? – сурово спросил Лукин.

– Ему уже не больно, – хмуро ответил остроносый солдат. – Там еще один наш остался «двухсотый».

«Эх, пацаны совсем!» – шевельнулась в душе Лукина жалость, но рассусоливать было некогда. Они с Ходыкиным попробовали зацепить убитого солдата «кошкой», но веревка не доставала.

Они побежали к перекрестку на соседней улице. Но на полпути пришлось притормозить: перед ними было метров тридцать открытого пространства.

– Пробегаем по одному! – скомандовал Лукин и побежал. Тут же услышал, как зашлепали по земле пули. Посмотрел налево и увидел двух чеченцев в проеме бетонного забора в конце пустыря. Бородатый стрелял из автомата стоя, второй, помоложе, – с колена. Не останавливаясь, Лукин вскинул автомат и лупанул в их сторону. Боевики исчезли. Забежав за угол дома, он взял на прицел проем в заборе, но там никого не было. Он махнул рукой, и к нему стали перебегать солдаты.

– Идите к перекрестку и ждите там, – сказал он им.

Когда он подбежал к перекрестку, один из солдат подошел к нему.

– Вас там зовут.

Лукин свернул за угол дома. Метрах в двадцати стоял в армейском камуфляже бородач, похожий на чеченца. «Только дернется, сразу всажу очередь», – мелькнула мысль. Заметив его подозрительный напряженный взгляд, бородач поспешно сказал:

– Свой я, собровец! Помогите раненого вынести...

Они вошли в дом, посадили раненого в плечо собровца на перекрестье рук и понесли.

– «Море-4», я 200-й... Мы возвращаемся по соседней улице, – увидев сохранившуюся табличку на доме, добавил. – На Лесопильной... На следующем перекрестке наши к вам будут переходить...

Они отошли метров сто от перекрестка, как неожиданно острая боль пронзила икру левой ноги Лукина. Он невольно ойкнул и присел с гримасой страдания на лице.

– Николай Федорыч, че, ранило? – подскочил к нему Ходыкин.

– Нет, вену скрутило на ноге, – сказал он, и ему вдруг стало досадно, что из-за какой-то мирной болезни он не может идти.

– Ладно, подождем, – сказал Ходыкин.

– Идите! – приказал Лукин.

– Федорыч, мы тебя не оставим!

Рядом по асфальту зацокали пули.

– Приказываю, идите! «Духи» могут появиться в любую минуту!

– Да вызови по рации бэтээр!

– Идите, в гробину мать! Или стрелять буду! – кривясь от боли, заорал Лукин и навел автомат на Ходыкина. Тот побледнел и побежал догонять остальных.

Минут через пять боль отпустила, и Лукин, прихрамывая, побежал вперед. Догнал своих у перекрестка. Егоров недоуменно сказал ему:

– Ничего не пойму: там с улицы другой перекресток было видно, а здесь и близко его нет!

Лукин посмотрел направо и действительно не увидел перекрестка. Это означало лишь одно: эта улица была не параллельна той, что они шли час назад к блокпосту, их снесло влево. Он вспомнил карту города, за которой они утром сидели у коменданта, и решил идти прямо.

– «Мирный», я 200-й. Предупреди батальон, мы к ним будем выходить около больницы!..

Когда они ходили к больнице, он слышал:

– 200-й, я «Мирный». Батальон дает зеленую улицу.

– Куда они на хрен денутся, я уже тут! «Море-3» и «Море-4», побеспокойся, чтоб вышли.

– Понял. Работаю с ними...

И слышал по рации:

– «Море-3», отходите, отходите на ПВД!

– Сейчас выйдем, «двухсотых» заберем! Пускай прекратят огонь! Они нас накроют!

– Миномет?

– Да, да, да!

– «Море-3», «Море-4» будет к вам выходить, – вмешался Лукин. – Покажите себя ракетой. На Фонтанной состыкуетесь, где мы ходили... Аккуратней смотрите! Мы вас прикроем из пулемета от больницы

– 200-й, я «Мирный». На «Море-3» какой-то прием нехороший...

– Нормально все. Мы уже их видим...

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко

11 августа. 11 часов 28 минут.

Можно подвести первые итоги сегодняшней операции. К 13-му «контролю» прорваться не удалось. Такое ощущение, что «духи» знали, что мы туда будем идти, и очень плотно сделали засаду и подготовились к этому делу. Конечно, с одним бэтээром на такие мероприятия ходить не рекомендуется. У него пулемет заклинило, два колеса пробило. Чудом вылез назад. У нас все нормально. У амурчан тоже в порядке. А вообще итог операции: трое погибло, двоих вытащили, один солдатик остался где-то там, и десять раненых. Еще одна такая вылазка, и ПВД некому будет охранять.

11 августа. 13:25.

Нас обкладывают плотно минометами. Не знаем кто, свои или чужие. Оборвалась связь с комендатурой. У наших соседей, амурчан, есть раненые. Рваная рана бедра у паренька, но жить будет. Наш доктор, единственный врач с высшим образованием на весь ПВД, оказал ему помощь. Скорректировали огонь. Оказывается, наши били по нам. Это всегда бывает на войне, блядь. Один командует, другой без ума исполняет. Им надо по Минутке бить, а они по нам херачат. На Минутке слышны выстрелы и пулеметный огонь. Но что происходит, понять трудно. Все смешалось в этом балагане.

11 августа. 19:05.

Прослушали последние новости по радио и в некотором недоумении. Мы сегодня ходили прокладывали дорогу к 13-му КПП и не дошли. А радио передает: блокада прорвана, боеприпасы, вода, продукты доставлены. Трудно в это поверить. Днем передавали, что 101-я, 34-я бригады на площади Минутка окружили большую группу боевиков и их добивают. А сейчас передают, что 101-я и 34-я бригады отбиваются от нападения боевиков. Кому верить? Остается верить только себе.

Нам уже полдня слышно, как идут бои на Минутке. Она находится от нас довольно близко: с крыши ее видно. По прямой 500-700 метров от нашего ПВД.

Глава 10

Кравченко выслушал по рации короткий рассказ Лукина о неудачной вылазке на выручку 13-го блокпоста и лишь успел прокричать: «Николай Федорыч! Вы только к нам не прорывайтесь!», – как рация его замолчала – окончательно сели аккумуляторы.

– Хорошо хоть без потерь обошлось, – сказал стоявший рядом Андрей Парфенов.

– Саша, давай батарейки, – попросил Слава Алимов. – Парни бэтээр завели, попробую от генератора подзарядить!

– Давай, пусть на один-два сеанса... Без связи хреново!

– Саша, иди сюда! – позвал его с крыши Валера Фаргер. – К нам парламентареры!

Кравченко поднялся на крышу. По шоссе со стороны Грозного к блокпосту шли две женщины в белых халатах, одна махала косынкой и кричала:

– Не стреляйте!

Когда до блокпоста осталось метров двадцать, они остановились. Кравченко крикнул:

– Чего надо?

– Нас нохчи прислали на переговоры.

– Подойдите ближе.

Чеченки прошли за ограду блокпоста. Кравченко с омоновцами вышел к ним.

– Ну и чего они хотят?

– Говорят, чтоб вы сдавались. Один час дают думать.

– Почему вас прислали? Мужиков, что ли, нет? Пусть придет, кто у них там главный, тогда будем разговаривать. Такие переговоры через посредников не ведутся.

– Что нам боевики сказали, мы сделали. Ваши слова им передадим...

– А вы в больнице работаете?

– В больнице.

– У нас контуженных много, бомба рядом взорвалась... Помочь им не можете?

– У нас ничего нет. А при контузии лежать больше надо, покой нужен... – сказала чеченка постарше.

– Покой нам только снится, – усмехнулся Кравченко. – В общем, передайте боевикам, чтоб присылали старшего...

Женщины ушли.

Полчаса прошли в томительном ожидании. Все, кто был на блокпосту, замерли на позициях в ожидании штурма. Снова палило всюду солнце. Дождевая вода, что сумели собрать позавчера, была на исходе. А горло то и дело пересыхало. Но самое поганое, что не передать своим. Как не вовремя сели батарейки!

– Саша, на, попробуй! По идее, должны работать... – Слава Алимов принес батарейки.

Кравченко вставил батарейки в «Вертекс». Рация заработала!

– 200-й, я «Орех-26»...

– 200-й на приеме.

– 200-й, нам предъявили ультиматум, предлагают сдаваться. Час дали на раздумье, полчаса осталось... У нас игрушек маловато совсем и воды нет. Может, прорваться на горку? Ребята коробочку завели...

– Подожди минут десять, посоветуюсь с «Мирным».

За пятнадцать минут до окончания срока ультиматума Лукин вышел на связь.

– «Орех-26», я 200-й. Оставайтесь на месте! Несколько случаев, когда боевики выманивают из блокпостов и уничтожают. «Горка» обещала разведроту послать на коробочках, подбросить игрушек и воды, так что держитесь! Если будут еще боевики разговаривать, потяни резину...

Минуло полтора часа, после того как ушли чеченки, два, и стало ясно, никакого штурма не будет. Лишь вечером два раза минут на десять завязывались перестрелки.

Утро следующего дня началось с торжественной минуты. Омоновцы собрались на втором этаже, и Кравченко от имени всех поздравил Андрея Середенко с днем рождения и в качестве подарка вручил ему стакан воды. Именинник сделал пару глотков и пустил стакан по кругу. Друзья пожали ему руку, похлопали с улыбкой по плечу и на этом торжество завершилось.

Через час с крыши закричали, что на дорогу вышел «дух». Кравченко поднялся наверх и увидел: с той стороны, откуда вчера пришли женщины, шел с поднятой правой рукой и с автоматом в левой грузный бородатый чеченец. Пройдя еще немного, он положил автомат на асфальт и вновь зашагал к блокпосту. Метрах в пятидесяти остановился и крикнул:

– Кто старший, пусть выйдет на переговоры!

Кравченко не спеша направился к нему без оружия. Когда они остановились в двух шагах друг против друга, он машинально отметил под мышками у чеченца на армейском камуфляже, поверх которого была «разгрузка», большие пятна пота, окаймленные белой извилистой линией соли, зеленая лента на лбу с белой вязью букв также была мокрой от пота

– Я Магомед, командир отряда. Ты кто?

– Старший блокпоста. Александр.

– Что решили, Александр? Выходите, оружие оставляйте, и мы вас отпускаем без проблем!

– Я не могу сам решить этот вопрос. У меня приказ стоять здесь!

– А кто может?

– Я сообщил наверх по команде о вашем предложении. Обещали сегодня сказать, что делать. Надо подождать...

Магомед задумался и потом сказал:

– По секрету тебе могу сказать, что сидеть вам тут смысла нет. Скоро будет мирное соглашение. Не веришь, спроси своего из особого отдела...

– Да у нас такого нет. Но я свяжусь с ФСБ, выясню и это... В любом случае надо ждать, что наверху скажут.

Магомед поправил ленту на лбу и сказал:

– Ладно, только ты их торопи, мы долго ждать не можем. Завтра к вам придет наш человек, ему ты должен сказать, что начальники твои решат!

Глава 11

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко

12 августа. 10:45.

У нас в расположении все нормально. Редкие неопасные перестрелки. Перешли на режим экономии воды. Произвели подсчет продуктов, сколько можем продержаться без дополнительных инъекций.

В батальоне тюменском опять сегодня один раненый. Стреляли из мелкашки, попали в плечо. Женька Корж оказался единственным врачом на всю комендатуру, его приглашают и в саранский батальон, и в тюменский батальон, и в амурский ОМОН.

В 9:53 выходил на связь 4-й «контроль». У них все нормально. Наладили некоторое взаимодействие и связь с 34-й бригадой.

Как выяснилось, там, где наши выходили после неудачной вылазки, стоял отряд Шамиля Басаева.

Думаем, как связаться с 6-м «контролем». Поздравить Андрея Середенко с днем рождения.

12 августа. 11:40.

Наша база опять подверглась минометному обстрелу. Плотно клали, прямо рядышком со зданиями. Недалеко продолжаются бои. Пытались выяснить через комендатуру, кто нас обкладывает, свои или чужие. Как всегда, ответа опять нет.

12 августа. 13:55.

Только что рядом раздавались взрывы. Не можем определить, откуда и кто стреляет. Ложатся рядышком, все здание содрогается. Крыша наша вступила в небольшую перестрелку, и вот сейчас докладывают, что еще одного «духа» завалили.

12 августа. 20:15

Только что смотрели программу «Вести» по телевизору, и там информация о пресс-конференции Лебеда. Он говорит, что с 3 часов уже вроде как должны прекращать огонь противоборствующие стороны, как это теперь называется там. А в это время шел буквально в 300 метрах колоссальный бой, вот до сих пор слышна пулеметная стрельба. Вертушки работали по полной программе. Так что обещаниям генералов с трудом верится.

12 августа. 23:35.

Наше расположение обстреляли из подствольников. Выстрелы ложились прямо рядом со зданием, но, к счастью, никто не пострадал. Детские сады здесь строились достаточно крепко.

На Минутке продолжается бой. Все горит. Как бы ни говорили, что авиация не применяется, «вертушки» крутились конкретно, и по ним открывался сильный огонь за две улицы от нас. Там, видимо, полно боевиков. Били сплошняком. У них прямо какое-то мистическое желание завалить вертолет.

Лукин вернулся к своим из комендатуры раздраженным: терпеть не мог неопределенности, а тут, куда ни ткнешь, всюду непонятно, что будет завтра и что надо делать. До хрипоты убеждал, связавшись со 101-й бригадой, что надо немедленно помочь «Ореху-26», что там все контуженные, без воды и боеприпасов. А из бригады с матом отвечали, что понимают его, но у них нет бронетехники свободной, а без нее не пробиться. При первой возможности постараются помочь... Только вот когда эта возможность представится, кто его знает!

Лукин чувствовал, как внутри у него будто сжимается какая-то пружина от недосыпа и напряжения. Сегодня ночью он решил во что бы то ни стало выспаться. Направился было к своей койке, но тут совсем рядом за стеной раздались разрывы гранат из подствольников. С крыши слышались пулеметные очереди. Он поднялся на чердак. Пробрался к позиции из мешков с землей. Было уже совсем темно. И лишь отсвет горящих зданий на Минутке падал

в проем на крыше и сходил на нет в глубине чердака. Из магнитофона, что прихватили с собой на позицию омовцы, доносились бодрые слова песни: «Я мужчина высший класс, даже в этот темный час...»

– Как дела? – спросил он.

– Обработали пару точек. Пока замолчали, – ответил лежавший по центру с пулеметом омовец. Лукин узнал по голосу Васю Романова.

– Флаг им наш не нравится! Сегодня весь вечер по нему лупили... Все ничего, только сейчас факелы мешают, нас высвечивают, а нам не видно, откуда бьют...

Лукин выглянул из-за укрытия и почувствовал странное ощущение нереальности происходящего. Город казался бы совсем мертвым, обозначая себя темными горами разрушенных домов, пустыми глазницами окон в многоэтажках без единого светлого пятнышка, если бы не полыхавшие здания на площади Минутка, если бы не пулеметная стрельба оттуда и ухающие разрывы снарядов, если бы не чуткие колеблющиеся сине-оранжевые факелы из пробитых газопроводов, которые, действительно, как нарочно, окружили их ПВД...

Когда он спустился вниз и вошел в спальное помещение, Коваленко сидел в тельняшке на кровати и фильтровал дождевую воду, сливая ее из пластиковой бутылки через ватный фильтр в ведро. Увидев Лукина, усмехнулся в усы:

– Водные процедуры перед сном!

– Правильно! Нужно дело! – улыбнулся Лукин. – А мух-то сколько налетело! Мухам бой!

Он достал из цинка несколько трассирующих патронов, осторожно извлек из одного пулю, вставил ее острием вниз в пустую гильзу на полу и поднес к пуле сначала одну горящую спичку, следом тут же другую, и на полу расцвел ослепительный зеленоватый бутон, над которым взвилось облачко резкого дыма.

После третьей пули сказал:

– А, ладно, все равно сейчас движок выключим. Без света мухи не мешают спать.

– Зато комаров отогнали, – сказал их нечаянный гость из Воронежа Владимир. – Я удивляюсь способности выживать. Воды нет – с крыши набрали. Электричества нет – телевизор смотрите, стекол нет – трассерами мух изгоняете...

– Музыкантов нет – песни сочиняем и поем! – в тон ему продолжил Коваленко. – Я тут сочинил одну, хотите спою?

Коваленко отставил ведро с водой, взял гитару:

– Слова мои, музыка народная...

Сразу после первых аккордов к нему потянулись омовцы, образуя вокруг кровати полукруг.

Надоело здесь все, надоела нам ложь генералов.
От усталости ноги дрожат, кто-то валится в сон.
Но получен приказ, и идет на зачистку кварталов,
В поисковую группу уходит наш омский ОМОН.

Кто-то там говорит, что мы здесь почти на курорте,
И тела от загара имеют коричневый тон.
С чудачком Голубцом вы, пожалуйста, больше не спорьте,
Он ведь даже не знает, где был и что делал ОМОН...

Лица обступивших Коваленко омовцев посерьезнели. Некоторые стали подпевать ему:

Наверху говорят, что подписан указ президента,
Что войне здесь конец, и бандиты ушли за кордон.
Одного не поймем, кто придумал такую легенду,
Да и с кем же воюет сегодня наш омский ОМОН?

Мы вторую неделю в осаде сидим, уминая консервы.
А вокруг нас и пуль, и снарядов губительный шмон.
У ребят, как канат, до предела натянуты нервы,

Но уверен, прорвемся, ведь мы же ОМОН.

Нохчи рацию мучат, мол, спета уж песенка ваша,
Что последние силы ваш Ельцин поставил на кон!
Ну а мы им в ответ с пулемета: хрен маме вашей!
Мы под флагом российским деремся, мы омский ОМОН...

«Хорошую песню написал Витя, молодец!..» – подумал Лукин и провалился в мертвый сон, не услышав ее окончания.

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко

13 августа. 9:30.

Восьмой день нашей блокады. С утра получили распоряжение из комендатуры стрелять только по вооруженным. Если не видим противника, не стрелять. Наверное, какие-то сдвиги появились, происходит реализация задуманного Лебедем.

На 4-м «контроле» беда: петуха они потеряли, сбежал после обстрела. Мы уже их так и называем: 12 омовцев, петух и собака.

Перешли на жесткий режим экономии продуктов. Всего, оказывается, мы завалили не пятнадцать, а восемнадцать «духарей». Новости слушаем каждый час. Это стало уже традицией. Хотя веры стало очень мало.

13 августа. 13:05.

Прослушали очередные новости по радио. Утешительного мало, но уже начинают говорить правду, что контроля в городе федеральными силами полного не наступило. Ситуация переходит из рук в руки.

Выходил на связь 4-й «контроль». Ребята держатся. Петуха нашли, берегут до последнего дня. С 6-го «контроля» Саша Кравченко передал, что это, возможно, последняя информация. Боеприпасов – ноль, воды – нет, питания тоже нет.

Изредка возникают перестрелки. Мы соблюдаем некоторый нейтралитет, выполняя распоряжение центральной комендатуры. Но это до первого прицельного выстрела в нашу сторону.

– Кузнецов, там «духи» в полный рост по улице бегают, а ты тут чай распиваешь! – войдя в столовую, крикнул Лукин.

Кузнецов молча отодвинул кружку, взял прислоненную к столу снайперскую винтовку с обмотанным тряпкой стволом и побегал к доту. Вскоре оттуда с интервалом в несколько минут раздалось два выстрела. Кузнецов вернулся, молча сел на свое место и стал допивать чай.

– Ну, че там? – спросил Богатюк.

– Двоих завалил.

На улице заорал громкоговоритель:

– Аллах акбар! Сдавайтесь, вы окружены! У вас есть час времени на исполнение ультиматума!

Лукин поднялся на чердак.

– Откуда они орут?

– Да вон проскочили на милицейском «уазике» с матюгальником за тот дом, – показал вправо Андрей Воробьев. – Долбануть бы туда из подствольника, да дерево мешает. Саранцев можно зацепить...

– Хрен с ними, пусть орут. Саранцам сегодня, командир их говорил, и так штук двадцать пять подствольников накидали. Что-то обозлились на них «духи», – сказал Лукин и добавил: – А нам надо выстрелы беречь, бейте только по тем, кого видно...

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко

13 августа. 22:45.

Послушали и посмотрели программу «Время». Было сказано, что достигнуто некоторое соглашение между Масхадовым и Пуликовским о прекращении огня для вывоза

раненых и убитых. Как это будет реализовано, будем смотреть. Пока же перестрелки не прекращаются. Мы по-прежнему находимся в боевом расчете.

14 августа. 12:07.

Прослушали новости по радио. Вообще, мы еще никогда так не увлекались прослушиванием новостей, как здесь. Несколько озадачены. По телевизору говорят: соглашение достигнуто, по радио – не достигнуто. По-прежнему идут огневые стычки. Мы остаемся на своих позициях, никаких ни устных, ни письменных приказов о прекращении огня не получали. Каждое вооруженное появление будем накрывать огнем. Люди измотаны до предела. Очень переживаем за 6-й «контроль». Помощь им так и не подошла. Сидят без воды и еды, считают каждый патрон.

К чему приведет возня наших генералов, понять трудно. Надеемся на лучшее.

Глава 11

На шоссе показалась зеленого цвета «Нива», проехав по асфальту, остановилась метрах в двухстах от блокпоста. Из машины вышел чеченец без оружия и направился к перекрестку. Увидев идущего навстречу Кравченко, остановился.

– Я начальник штаба Басаева, – начальственным, вальяжным тоном сказал чеченец. – Какое решение по нашему требованию?

Кравченко с любопытством посмотрел на него, и ему показалось лицо чеченца знакомым. Кажется, видел по телевизору до командировки рядом с дававшим НТВ интервью Басаевым.

– Вопрос решается наверху, – сказал Кравченко.

– Сколько он может решаться! Ты ведь понимаешь, что мы вас можем взять за десять минут! Но зачем проливать лишнюю кровь, и вашу, и нашу... Сдавайтесь, и закончим дело миром.

– Без приказа не могу. Вопрос решается. Мой командир не может связаться с центральной комендатурой. Там идут бои, вы же знаете...

– Знаем...

Чеченец ненадолго задумался и сказал:

– Ладно, давай сделаем так. Друг друга не трогаем, потому что сейчас Масхадов с Пуликовским ведут переговоры о перемирии,ждемся результатов, а потом решим окончательно.

– Если ваши не будут стрелять, то мы тоже не будем, – сказал Кравченко и добавил со слабой надеждой: – У нас с водой плохо. Может, дадите немного.

– Решим вопрос. Сколько надо?

– Да ведра два хотя бы...

Через полчаса после ухода чеченца на дороге появились две женщины в белых халатах, те, которые приходили позавчера. Они несли по ведру воды.

– Уф-ф, блаженство! – провел ладонью по груди Андрей Парфенов, выпив залпом стакан воды. – Видно, и правда, мирные переговоры идут, коли нас «духи» водой поят. Только все равно, если даже мир будет, думаю, что нам лучше к своим попасть, чем с «духами» без оружия остаться. Так, Саня?

Кравченко кивнул и сказал:

– При любом раскладе вряд ли они нас выпустят... На бэтээре одном тоже не прорвешься. Надо проверить: может, через «зеленку» можно на горку пройти. Ночью ходим на разведку...

Они пошли впятером. Перебежали асфальт, миновали котлован, в который упала авиабомба, и вошли, будто связанные веревочкой, в «зеленку» – высокий, больше двух метров кустарник, – где тебя не видно, но и ты хрен чего увидишь. Тем более и ночь черная, безлунная, только крупные звезды над головой. По Полярной звезде, как учили, Кравченко и

старался держать направление, чувствуя за спиной дыхание Андрея Парфенова, за которым шли Сергей Грибков, Дима Воротников и Валера Фаргер.

Когда миновали, пройдя осторожно рядом, огромные цилиндры нефтенакопителей, с которых в первый день нападения стреляли обкурившиеся боевики, попали в лес и дальше продвигались осторожно, с частыми остановками, прислушиваясь.

Плавный подъем, по которому они двигались, незаметно исчез. Кравченко почувствовал, как стало легче идти, невольно ускорился, но тут же присел с предостерегающе поднятой рукой. Справа услышал звук работающего двигателя, скорее всего, легковой машины, которая прошла в двадцати метрах от них. Следом проурчал грузовик. Машины шли с выключенными фарами. Минут через пять услышали чеченский говор, вслед за машинами прошли человек тридцать едва различимыми силуэтами. Потом опять легковой автомобиль... Кто бы мог подумать, что между асфальтовым шоссе и горой с ретрансляторной вышкой, под носом у 101-й бригады проходила дорога, по которой беспрерывно двигались боевики.

О проходе здесь нечего было и думать.

Утром он сообщил о дороге на «Горку», но там сказали, что знают о ней и периодически обрабатывают из минометов.

Глава 12

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко

15 августа. 9:45.

Десятый день осады. Наше расположение полностью окружено боевиками. Это видно по тому, что, когда пролетал вертолет, по нему открывали огонь по всей округности.

Утром поздравили Андрея Воробьева, ему сегодня 26 лет. Произвели смену. На связь вышел 6-й «контроль». Положение у них хуже, чем вчера.

Должен прилететь Лебедь, и все затихло в ожидании каких-то команд или указаний. Утром проскользнула информация, это нам передали амурские ребята, что будут снимать блокпосты. Слухи есть, что вообще войска выводить будут.

Вчера завалили еще двух «духов». Они нагло ходили в видимости снайперской винтовки. После этого улицу стали перебегать, как сайгаки.

Сейчас из комендатуры сообщили, что чеченцы с белым флагом принесут бойца с тюменского БОНа, которого не смогли вынести с последней операции. Что будут требовать взамен, неясно.

15 августа. 11:45.

Врач Женя Корж вернулся из тюменского БОНа, где четверо убитых и 16 раненых. В саранском батальоне убитых двое, сколько раненых – неизвестно, в СОБРе три человека раненых. Вот такая картина по всей нашей комендатуре.

15 августа. 15:50.

Буквально 15 минут назад была мощная артиллерийская канонада в районе площади Минутка. Похоже, работал «Град». Звучно так. Потом небольшая перестрелка: боновцы здесь на дороге постреляли и по ним в ответ. Крики «Аллах акбар!» раздаются рядышком.

С 6-го «контроля» не было никаких известий с самого утра. Что там у них, неизвестно. 101-я бригада обещала туда протянуть «ленточку», может быть, забрала ребят, но что и как – неизвестно.

Ребята духом не падают, музицируют на гитаре, разучивают песни.

Вот опять сильная стрельба от Минутки. Второй день перемирия называется! Лебедь решает вопросы...

Прапорщик Мишечкин произвел смену на КПП и вслед за сменившимися омовцами подошел к крыльцу, возле которого курили Вадим Бутаков и Сергей

Атрощенко. Затарахтел движок автономного питания. Посмотрев на часы, Мишечкин спросил:

– Программу «Время» не идете смотреть?

– Сейчас, только докурим, – затягиваясь сигаретой, сказал Вадим.

Но не успел Мишечкин дойти до комнаты, где располагалась авторота, как услышал во дворе сильный взрыв, следом все здание вздрогнуло, и с потолка посыпалась побелка.

– Всем вниз! – услышал он команду Лукина и побежал к лестнице, ведущей в полуподвал. В это время увидел, как с улицы вошел Атрощенко, неся на спине Бутакова. Пройдя несколько шагов, Атрощенко упал на пол вместе с Бутаковым и обхватил руками ногу. Сквозь пальцы струйками сразу засочилась кровь:

– Женя! Корж! Серегу с Вадимом ранило! – крикнул Мишечкин.

Вокруг раненых сразу образовалось кольцо из омовцев. Всадили им по тюбику промедола. Про опасность все забыли, хотя во дворе по-прежнему слышались разрывы.

Оба были ранены в ноги. Когда сняли с них брюки, увидели, что у Атрощенко вырван кусок мышцы. Под ним быстро образовалась лужица крови.

– Жгут! – скомандовал Корж. – Артерия задета!

Кто-то подал ремень, Корж перетянул им бедро и занялся раной, успевая давать советы Лукину, который перевязывал Бутакова:

– Потуже, потуже, Николай Федорович!

За перевязкой не заметили, как прекратился обстрел. Корж еще возился с Атрощенко, когда к ним прибежал омовец из амурского отряда:

– Раненый у нас!.. Врач нужен!

– У нас самих, видишь, двое, – хмуро сказал Лукин.

– У нас тяжелый...

– Куда? – спросил Корж.

– В голову.

– Промедол поставили?

– Поставили...

– Ладно, пошли! – схватил Корж сумку и побежал следом за омовцем, крикнув на ходу: – Минут двадцать жгут не снимайте!

Когда раненых уложили на кровать, Лукин пошел к соседям, коллегам с Амура, из Благовещенска. Вход к ним был с другой стороны здания.

Выйдя во двор, Лукин глянул на стену. Под одним окном видно было у самого подоконника здоровенную вмятину-воронку и развороченную кирпичную кладку.

Когда он зашел к амурчанам, увидел, что половина омовцев сидит, обхватив головы ладонями. Корж перевязывал голову бойца с бледным обескровленным лицом. Омовец был без сознания.

К Лукину подошел как-то разом осунувшийся командир приморцев Юрий.

– Федорыч, как считаешь, свои нас или чужие?

– Завтра узнаем...

– Да нутром чую, свои, б..дь, захерачили! Мины так не летают – весь подоконник разворотили!.. Больше половины потерь на этой бардачной войне от своих! Наверняка, наводчики опять ошиблись!.. Черт, опять мне не повезло – ни одной спокойной командировки не было!

Лукин вошел в комнату, в стену которой угодил снаряд. Все в ней было покрыто толстым слоем пыли: и пол, и кровати, и полка со «сферами» и пулеметными лентами... Ведь, кажется, второй этаж – откуда ее столько!

Он подошел к развороченному подоконнику и подумал о том, что везение на войне – понятие относительное: попади снаряд на полметра выше, взорвался бы в спальне – и половины отряда, считай, не было бы...

Возвращался Лукин к себе вместе с врачом.

– Ну, как он?

– Операцию бы ему сейчас. А так вряд ли выберется – череп разбит...

Утром, осмотрев последствия артобстрела, Лукин взял видеокамеру и стал снимать. И было что! На том месте, где стоял заборчик из штакетника, полета целого нет и

здоровенная воронка. Рядом нашли неразорвавшийся ВОГ и много осколков, иные с ладонь! Конечно, и подоконник, куда попал снаряд, тоже снят. Но главное, конечно, их «Урал». Да, их «Белый орел» был изрядно пощипан! Все колеса пробиты – стоит на скатах. Ни одного целого стекла в кабине! Двери пробиты осколками, будто кто-то большим ножом истыкал, как консервную банку. Брезентовый тент изрешечен, а сзади у борта дырища – кулак пролезет!

Командир мотороты Василий Анушкин и водитель Виталий Ходыкин уже всю машину осмотрели, когда Лукин стал ее снимать.

– Николай Федорыч, вот она где, главная пробоина, – нагнулся Ходыкин и показал на задний мост, в корпусе которого зияла дыра. – Дифференциал наверняка накрылся!

– Что, как «Белому орлу»?

– Да ничего, сделаем! – сказал Анушкин. – Двигатель цел, передний мост тоже. Так что уедем, была бы только дорога свободной от «духов»!

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко

16 августа. 9:05.

11-й день нашей осады в ПВД. Разбираем последствия вечернего налета. Мнения расходятся, но уже сейчас видно, что это либо «Град», либо крупнокалиберные снаряды танковых пушек.

Связи с 6-м «контролем» нет уже сутки. Комендатура ведет себя крайне пассивно.

Доктор проявляет чудеса. Мотается от одного раненого к другому: обслуживает раненых амурских ребят, тюменского батальона, саранцев, всей комендатуры. Медикаменты, такие, как перекись водорода, для обработки еще пока есть, но они на исходе. Еще один такой налет, и нечем будет обрабатывать раны.

16 августа. 10:30.

Представитель боевиков пришел в комендатуру. У него есть приказ огня не открывать. Требуют, чтобы комендант отдал такой же приказ по ПВД. Решается вопрос, как вывезти с ПВД раненых. Это будет минимум две машины. Мы дали приказ огня не открывать. Если подойдут близко, только предупредительный огонь. Нам пока эти условия выгодны.

16 августа. 12:30.

Командир прибыл из комендатуры. Утром коменданту принесли письмо от нового коменданта Октябрьского района с чеченской стороны. Там предлагают нам сдаться. Знают, что у нас на исходе продукты и вода. Обещают потом коридор. Мы на эти условия не идем.

После этого была встреча коменданта с руководителем группировки, которая нас здесь обложила. Он подтвердил, что Масхадовым отдан приказ по всем вооруженным силам прекратить огонь. Сказал также, чтоб мы сохраняли перемирие, и если там отдельные недоумки с чеченской стороны будут стрелять, то они с ними разберутся сами. У них один разговор – расстрел. Грешно говорить, но чувствуется, что дисциплина у боевиков есть. Может быть, не все, но в целом они подчиняются единому штабу, чего не скажешь о наших раздолбаях.

Очень тревожит 6-й «контроль», связи нет больше суток. 101-я бригада рвет на груди рубашку, что они там помогли. Но если бы помогли, Саша Кравченко вышел бы на связь.

Сейчас согласовывается вопрос с чеченцами по отправке раненых

16 августа. 13:30.

Вышел на связь Саша Кравченко. Обстановка у них очень тяжелая. Двое суток нет ни воды, ни еды, боеприпасов – мизер. Помощи от 101-й бригады так и не было.

По сообщениям радио, бойцы, оборонявшие здания МВД и ФСБ Чечни, эвакуированы. А раз так, то, наверно, эвакуирован и Координационный центр, потому что он находился

встык к двум этим зданиям. Вот это будет подло с их стороны, если они уйдут, а мы останемся здесь. С удовольствием можно было бы шлепнуть этого генерал-полковника Голубца или оставить здесь помучиться, как ребята на «контролях».

Глава 13

Артобстрел добавил всем забот. Связист Неупокоев налаживал проводную связь с комендатурой. Анушкин с Ходыкиным и Мишечкиным все время проводили возле «Урала», стараясь его оживить. У приморцев на их «Урале», хоть два колеса целых осталось. Остальные свободные омовцы наводили порядок в расположении. Жаль, что воды нет, и полы нечем вымыть.

– Ну, как дела? – спросил Лукин Неупокоева, шагая мимо него из комендатуры.

– Сейчас сделаю, вроде, последний обрыв, – сказал Неупокоев, зачищая ножом два оголенных конца проводов.

Возле крыльца Егоров и Богатюк мастерили носилки из двух одеял и жердей для Атрощенко, которого собирались вместе с двумя ранеными из саранского и тюменского батальонов по согласованию с боевиками вывезти из расположения.

– Отставить пока, – сказал он им. – Отменяется.

Егоров и Богатюк вошли следом за ним внутрь. Увидев Лукина, Атрощенко сел на кровати и умоляюще протянул:

– Николай Федорыч, не отправляйте меня! Мне уже лучше... Я могу рожки заряжать!

Лукин усмехнулся и сказал:

– Не будет отправки. Темнят чеченцы: сначала договаривались, что они за наших раненых оставят троих заложников, а сейчас отказались. Мы с комендантом решили не отправлять...

– Женя, – обратился он к врачу, отозвав его в сторону, – ну как у них состояние?

– Пока нормально, ухудшения нет. Вот только бы им сейчас питание получше, фруктов бы...

– Какие фрукты! У нас крупа уже кончается, скоро на одних консервах сидеть будем...

– Да, сейчас бы обычный кусок хлеба с удовольствием съел.

– Погоди, – оживился Лукин, – когда я приехал, помню, мешок муки на кухне валялся, а потом пропал... Мы ж из той муки ничего не делали. Не знаешь, где он?

– Не видел, – ответил Корж.

Ни на кухне, ни в одной из комнат мешок с мукой не нашли, хотя и Коваленко подтвердил, что мешок был. Обнаружили его среди мешков с землей, которыми заложили окно. Треть муки была испорчена дождем. Лукин замесил тесто, напек на сковородке лепешек и принес их раненым.

– У, вкуснотища! Спасибо, Николай Федорович! Да вы тоже ешьте... – сказал Бутаков.

– Ешьте, ешьте, мы уже попробовали!

– Николай Федорыч, а давайте им винограду наберем!

– Где?

– Напротив дота забор взрывом снесло, и там сад. В прицел все время гляжу, облизываюсь, видно, что зрелый! – сказал Просвирнин.

Лукин пошел с биноклем в дот. До сада было метров сто. Решил рискнуть. Тем более сто процентов, что дом пустой – все время у них на прицеле. Отобрал десять человек, сам того не заметил, как выбрал тех же, кто ходил с ним на 13-й блокпост – везучим везет до конца!

Перебежали дорогу и, прикрываясь кустами и изгородью, подбежали к разрушенному забору, за которым начинался сад. Егоров с Черновым несли под виноград пропарку – здоровенный алюминиевый бак, в котором, видимо, кипятили детсадовское белье. У забора притормозили, отдышались.

В это время из детского сада за ними наблюдали десятки напряженных глаз.

За каждым из оставшихся закреплены определенные дома и сектора «зеленки». Все – на позициях, готовые смести то место, откуда раздастся выстрел. Снайперы готовы отреагировать на любое движение в окнах соседних домов. Но пока тихо.

Первым делом проверили дом. Он был пустой. По углам сада и за домом – четверых поставил в прикрытие, остальные – собирать виноград. Минут за десять накидали полный бак, и Лукин скомандовал отход. Обрато бак тащили по очереди, меняясь. Остальные, пятась спиной, прикрывали.

Когда втащили бак с виноградом в столовую, Лукин облегченно перевел дух: обошлось без стрельбы.

– Всем на троих по кисточке, остальное – раненым! – сказал он и положил в рот несколько ягод. Но вместо ожидаемого утоления жажды от сладости потянуло на воду. А воды на человека уже выдавали по стакану на день: хочешь чай пей, хочешь на муди лей.

Омоновцы, ходившие за виноградом, скидывали «сферы», снимали бронежилеты и мокрые от пота тельняшки и майки и, смакуя, посасывали сладкие ягодины.

Вышел на связь Кравченко. И чем больше слушал его Лукин, тем больше мрачнел. Потом пошел в комендатуру, после многочисленных попыток связался все-таки с Центральной комендатурой и долго убеждал коменданта Грозного Андриевского, что блокпост надо снимать, что нет смысла держать контуженных без воды и патронов, что скоро боевики возьмут их голыми руками, что 101-я бригада только обещает помочь и ничего не делает... И в конце концов комендант Грозного обещал дать команду в 101-ю бригаду, чтобы они помогли выйти с 26-го блокпоста.

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко

16 августа. 18:45.

Только что разговаривали с 4-м «контролем» по рации. У них небольшое несчастье. Заболел желтухой Игорь Фесенко. Военная бригада никаких мер не приняла. Попросили эвакуировать, сказали: эвакуируйте своими силами. А какие у нас силы! Сами сидим в осаде.

Наблюдается полнейший паралич военного командования в Грозном. Слушаем по рации переговоры наших Вооруженных сил, Внутренних войск и милицейских подразделений. Никто не отдает никаких команд – все брошено на произвол судьбы.

В целом перемирие сохраняется. Мы не стреляем, в нас не стреляют. Одна только 101-я бригада молотит по Минутке, а это может повредить зыбкому равновесию.

Крайне удивлены разборкой на верхах – Лебедь с Куликовым. Боимся, что это превратится в длинную бодягу, а дело двигаться не будет.

Только бы нас не обкладывали больше артиллерийскими снарядами. Это так неприятно, скажу я вам!

Глава 14

Во рту постоянно пересыхало. Вода, которую принесли чеченки, давно кончилась, даже губы смочить нечем. А на небе ни облачка, на дождь надеяться не приходится. Постоянно подташнивало и кружилась голова – не поймешь, от недоедания или от контузии. Ясно, что их надо менять, если блокпост нужен, или вывозить отсюда. Об этом Кравченко и сказал по рации своему командиру. Лукин обещал согласовать вопрос в Центральной комендатуре. Прошло два часа томительного ожидания, когда наконец пришло радостное известие из батальона 101-й бригады.

– «Орех – 26», я «Горка», получен приказ снять вас. Посылаем сейчас «коробочку», обратно уходите на двух. Как понял? Прием...

– «Горка», я «Орех-26», вас понял! – прокричал Кравченко.

Блокпост принял известие радостными возгласами. Кравченко поднялся на крышу и через десять минут увидел, как катил к ним, поднимая пыль, бэтээр. Вот он уже поравнялся с блокпостом, но почему-то медленно продолжал катить под уклон. Неожиданно свернул с дороги и, упершись в дерево, остановился.

Кравченко спустился вниз. От бэтэера с вытаращенными, испуганными глазами к нему подбежал солдат-водитель:

– Командира убили!..

– Как?

– Мы к вам едем, а он из люка по пояс высунулся. А тут из граника как захерачат! Броню не пробили, видно вскользь прошло, а его осколками убило!

Кравченко с омовцами подбежали к машине. Когда стали вытаскивать молодого лейтенанта, он застонал.

– Он живой! – обрадовался водитель.

– Спина... – кривясь от боли, тихо сказал лейтенант.

Кравченко задрал его окровавленную рубаху и увидел в теле несколько кровоточащих отверстий. Мелькнула мысль, что, коль дышит нормально, значит, осколки сидят неглубоко. Потратив несколько индивидуальных пакетов, лейтенанта перевязали.

– А ты чего в дерево въехал? – спросил Кравченко водителя.

– Да тормоза отказали! Эти ж колымаги еще с Афгана бегают! Ничего, обратно в гору. Лишь бы «духи» не нае...нули!

Через полчаса все, кто стоял на блокпосту, сели в бэтээры, прихватив с собой лишь радиостанцию ЗАС, и машины, урча и выбрасывая из труб черный дым, покатали по грунтовке вверх по склону. В первом бэтээре были Олег с солдатами, во втором – Кравченко с омовцами и тремя солдатами, которые не вошли в первый. Один из солдат занял место у пулемета.

Они проехали минут десять, как впереди раздался взрыв. Пулеметчик, глядя в триплекс, прокричал:

– Фугас взорвали! Бэтээр целый, идет дальше...

Тут их машину сильно встряхнуло, днище, будто ударилось обо что-то, но бэтээр не остановился.

Через десять минут они были в расположении 101-й бригады.

Едва успели остановиться, как водитель выскочил из машины и заглянул под днище.

– Ну точно, и под нами фугас взорвали, вон дыра... Наверно, заряд маленький был или не весь сработал!

– А нам бы хана была, поторопились они, в двух метрах взорвали! – сказал подошедший к ним водитель первого бэтэра. – Я как раз газ сбросил... Во, блин, два раза мою «коробочку» сегодня замочить хотели и не вышло! Повезло!

Увидев цистерну с водой, все, кто приехал на бэтээрах, дружно двинулись к ней. Потом Кравченко представился комбату, который направил их всех в госпиталь.

Глава 15

Из аудиодневника подполковника милиции Виктора Коваленко

16 августа. 22:40.

Есть одна очень хорошая новость: с 6-го «контроля» сумели эвакуироваться все наши восемь ребят во главе с Сашей Кравченко. Правда, когда выходили, в двух метрах от бэтэра взорвали фугас. Видимо, их ждали, но счастливая звезда помогла доехать до места, никто не пострадал. Сейчас им оказывается помощь.

Конечно, это новость, что во всем виноват Куликов. Это там такая большая политика, это игра, и мы в ней не участвуем! Может, лучше, если бы победил Лебедь, потому что у него больше шансов всю эту херню прекратить!

17 августа. 9:05.

Двенадцатый день нашей осады. Договорились с 34-й бригадой, что они вывезут нашего бойца Игоря Фесенко, у которого обнаружилась желтуха.

В данный момент командир находится в комендатуре на совещании. Опять что-то придумывают. Сегодня ожидалось деблокирование нашего маленького гарнизона.

Вчера слышали радиостанцию «Зерно-31» – один из КПП. Связывался с Центральной комендатурой. Страшно было слышать такие слова. Он передает: «800-й, я «Зерно-31», к нам подошли с ультиматумом: если мы через 15 минут не сдадимся, нас обольют бензином и сожгут. Они приготовили пожарную машину, заполненную бензином, грозят облить все КПП и поджечь трассерами». Мучительно было слышать этот разговор, и как невнятно

блеяла наша несчастная комендатура: «Вы им скажите, что если они вас сожгут, то мы их сожжем». Потом парни вышли на войсковую часть: «Ребята, дайте огонька, вон там левее от нас...» А где точно? Ни карт, ни координат!

Ходят слухи, что прибыла уже замена всей нашей комендатуре. Но как заменяться. Будет еще хуже, новые люди придут, не знающие обстановки.

17 августа. 12:30.

Слышны выстрелы. Одиночными и очередями стреляют в сторону нашего ПВД. Мы сохраняем молчание. Проинформировали комендатуру. Там связались с боевиками, те обещали разобраться, кто открывает огонь по нашему ПВД.

По некоторым данным, которыми располагаем, самая заблокированная комендатура – это наша. У остальных есть хоть какие-то дороги свободные. Видимо, здесь камнем преткновения становится Минутка и то, что мы заблокированы отрядом Шамиля Басаева.

17 августа. 17:10.

Рядом разгорелся сильный бой. 101-я бригада не признает, видимо, никаких перемирий и пактов о прекращении огня. Шальные пули аж сюда залетают.

18 августа. 9:05.

Тринадцатый день нашей осады и окружения. Ночь прошла относительно спокойно. В центре была слышна небольшая перестрелка. Немного поработали тяжелые орудия.

Несколько обнадежила информация по телевизору, что Пуликовский договорился с Масхадовым прекратить боевые действия в 22 часа, то есть не вести огонь ни с той, ни с другой стороны.

Вчера у командира амурского ОМОНа Юрия был день рождения. Даже бутылки водки не нашлось на такое мероприятие. Там у них зам по тылу сообразил какой-то ликер-шасси, неизвестно из чего. Тяжеловатая штучка, скажу я вам! Но в военное время слишком упиваться нельзя. По три рюмочки приняли, поздравили, подарили тельняшку. Больше ничего не нашлось в нашем ассортименте.

Солнце. Туч не видно, значит, ребят будет тянуть на воду – это уже хуже. Надеемся, может, дождик пойдет, водички набрать. Но нет, все чисто.

Командир в 9 часов снова ушел в комендатуру. Комендант его пригласил участвовать в переговорах с боевиками. Наряды заменились. Ребята на кухне хохочут. Значит, есть еще порох в пороховницах, духом не падают. До «дембеля» осталось 8 дней. Но, как кто-то из наших сказал, в такой ситуации «дембель» в опасности.

Посмотрели вчера по телевизору: действительно, наш дружок генерал-полковник Голубец уже в Москве, там у него все хорошо, а здесь он что натворил! И отчасти, может, прав Лебедь, что руководство МВД повинно в такой ситуации, которая сложилась. Не зря же они вывели всю чеченскую милицию и ОМОН якобы на какие-то учения. А те ребята воюют здорово. Видимо, у них нет другого выбора. Это мы помним еще по Гудермесу. Да и здесь видно, что они хлещутся, и потери у них есть.

Наши раненые идут на поправку, улыбаются. Но все сообщения, что их будут эвакуировать, воспринимают с нежеланием, хотя понимают, что нам надо развязать руки, если придется по-быстрому уходить.

18 августа. 10:30.

Командир вернулся из комендатуры. Встреча с боевиками не состоялась. Они уехали на 15-й «контроль», у Ханкалы, решать какие-то вопросы.

Начали писать представления на награждения ребят, но где и кто их будет заверять, неведомо никому.

Первым делом, вернувшись из комендатуры, Лукин спросил Коваленко:

– Стену в подвал проббили?

– Нет еще, толстая, и арматура густо сделана...

– Есть данные, что Пуликовский обложил город. Пойдут на штурм, наверняка будут тяжелую артиллерию применять. Можем опять попасть.

– Взорвать бы эту стенку, но может на дом развалиться.

– Ладно, лучше поаккуратнее.

К ним подошел Просвирнин:

– Николай Федорыч, перемирие, перемирие! Опять три раза снайперок по крыше шмальнул.

– Пойдем, покажешь точно откуда. Скажу их командиру, все обещают с такими разобратся, вот и пусть разбираются!

Они поднялись на крышу.

– Вон из того дома постреливал с утрца, – показал рукой Просвирнин на частный кирпичный дом.

– Понятно. А старик что делает, труп сжигает? – спросил Лукин, увидев недалеко от склада кафе, где лежал убитый еще в первый день нападения боевик, большой костер. Старик-чеченец неторопливо собирал сучья и деревянные обломки и кидал их в костер.

– Ага. Облил сначала бензином, а сейчас дровишек добавляет, – сказал сидевший в наряде Юрий Козлов.

– Ладно, лишний раз не высовывайтесь! На одиночные выстрелы не отвечать! Поглядим дальше на их поведение...

Когда Лукин спустился вниз, на связь вышел Александр Кравченко.

– 200-й, я бывший «Орех-26»...

– Понял, понял, «Орех-26»... Ты откуда?

– Мы в Ханкале! Сегодня с горки на двух «коробочках» прорвались.

– Все нормально?

– Да, в одном месте только из автоматов обстреляли. Комбат не хотел отпускать, кое-как уговорили. Боялся, что на фугас напоремся.

– Как самочувствие?

– Да как и раньше – ходим! Валерка только начал кровью кашлять... 200-й, мы будем к вам прорываться на «коробочках», пока они при нас...

– Я те прорвусь, едрена мать! Выбрось это из головы. Нехрен на задницу приключений искать! Я запрещаю! Это приказ!

– Так что нам делать? Мы тогда вас здесь подождем, здесь стоят наши «Белые медведи»...

– Вот, хорошо! Побудьте пока с ними, полечитесь! И при первой возможности на «вертушки» и в Моздок. Оттуда – домой! Командировка все равно заканчивается! Как понял?

– Понял, понял...

– Просьба к тебе, позвони в Омск.

– Я уже звонил. Связь была плохая, но успел передать, что все живы!

– Вот за это спасибо! В Ханкале нас ждать тоже смысла нет, неизвестно, попадем мы туда или нет. При первой возможности – домой! Попроси командира «Белых медведей», пусть поможет. Все. Что будет нового, сообщай!

– Ишь, к нам они прорываться будут, – покачал Лукин головой, обращаясь к Коваленко. – Не навоевались еще!

– Слава Богу, хоть вышли с «контроля» целыми! – сказал Коваленко.

Через час Лукина опять вызвал к себе комендант. Войдя в его кабинет, он увидел там уже знакомого чеченца Руслана, который командовал боевиками, окружившими их, и всех командиров подразделений ПВД.

– Товарищи, – сказал комендант, – чеченская сторона предлагает нам выйти пешком на Ханкалу.

– Коридор будет? – спросил Князев, командир тюменского батальона.

– Пешком можно будет пройти... Для техники проход обеспечить не можем, – сказал чеченец, глядя с легким прищуром на присутствующих.

– Такой вариант не годится – у нас много раненных. На руках их не унесешь, да и носилок на всех не хватит!

Лукин мысленно согласился с Князевым.

– Если вы не пойдете на наше предложение, мы будем вынуждены нарушить перемирие. У нас есть радиоперехват, что на сегодня планируется штурм Грозного федеральными войсками. Если они пойдут на нас, то мы вас сметем! Нам идти больше некуда! Так что выходите, пока есть возможность!

«Сказала Настя, як удастся!» – подумал Лукин.

– У меня много контуженных, они пешком идти не могут. Выходить надо только на технике! – сказал командир амурского ОМОНа Юрий.

Остальные командиры согласились с ним. На лице Руслана появилось плохо скрываемое раздражение. Он попросил сопровождающего до КПП и вышел из комендатуры. Лукин сказал коменданту, что проводит чеченца, заодно проверит, как там его, Лукина, ребята...

– Слушай, командир, – обратился к нему вдруг Руслан, когда они молча почти дошли до КПП, – ты же из милиции?

– Ну и что?

– Я тоже в милиции когда-то был... Хочешь деньги заработать?

– Как? – усмехнулся Лукин.

– Продай нам патронов... Ты ж не из этих армейских дубов!

– У нас лишних патронов нет, – отрезал Лукин.

– Ты, может, не понял? Я предлагаю заработать хорошие деньги! Доллары. На всю жизнь тебе хватит!

– Нет патронов! Все, будь здоров!

– Ну ладно, и ты будь здоров! – пробормотал Руслан, сверкнул зло черными глазами и неторопливо зашагал от ПВД.

Под вечер комендант вызвал опять к себе. На этот раз он был один, и едва Лукин вошел, сухо обратился к нему:

– Николай Федорович, почему вы не выполняете распоряжения комендатуры?

– Какие распоряжения мы не выполняем? – изумился Лукин.

– Несколько часов назад мы постановили не оставлять ПВД. А у меня есть сведения, что омский ОМОН решил выходить группами по три-четыре человека на Ханкалу!

– Кто вам сказал эту чушь?

– Сведения достоверные...

– Достоверные! – в ярости закричал Лукин, опершись руками на стол, за которым сидел комендант. – Ты что, не понимаешь, что оскорбляешь честь нашего отряда? За два года командировок ни от одного задания не отказывались! Здесь две недели воюем, чтобы от тебя такую херню выслушивать, так что ли? Да я лично расстреляю того, кто попробует уйти!

– Ладно, не кипи! Прошла информация, я должен ее проверить.

– Мозги надо включать, прежде чем проверять! – стукнул кулаком по столу Лукин и вышел из комендатуры.

На вечернем построении он сообщил о подозрениях коменданта и спросил:

– Есть которые хотят уйти?

Омоновцам возмущенно зашумели. Из строя раздались выкрики:

– Да вы что, Николай Федорович! Мы здесь умрем, но не выйдем!..

– Какой дурак из укрытия выйдет!

– Мы тут под пулями ходим, а они все время в подвале просидели у себя!

– Командир, надо брать власть в свои руки, все равно от коменданта толку нет!

– Куда ж мы его денем? – усмехнулся Лукин.

– Будет залупаться, расстрелять его к чертовой матери!

– Ладно! Всем сохранять спокойствие! Я ему обещал, что расстреляю любого, кто самовольно покинет позицию. Довожу это и до вашего сведения!

Около полуночи позвонил комендант и сообщил, что получен приказ с 17:00 огня не открывать, только в случае нападения. А по телевизору утром сказали, вспомнил Лукин, что такой приказ действует с 10:00. Долго же доходят до них приказы сверху!

Глава 16

Из аудиодневника подполковника милиции Коваленко

19 августа. 9:05.

Четырнадцатый день осады. Пока сохраняем перемирие. Выходил на связь 4-й «контроль». Ночью их обстреляли из АГС и стрелкового оружия.

Слева от нас, где стоят саранцы, слышны одиночные выстрелы. В нас не стреляют, и это радует. Хотя надоело все уже до одури. Люди почти две недели не мылись. Обрастаем медленно грязью, воду используем только на приготовление пищи и питье.

19 августа. 13:45.

Вот уже полдня федералы обстреливают кварталы частного сектора из орудий, снаряды летят прямо через наши позиции. Ощущения довольно неприятные: вдруг наводка собьется.

Чувствуется, что у командования наверху нет единой позиции. Пуликовский вроде договорился с Масхадовым о неоткрытии огня и разведении на безопасное расстояние, но командиры частей как будто сами по себе.

19 августа. 15:05.

Посмотрели в 2 часа «Вести» по телевизору. Информация для нас не очень приятная: все склоняется к силовому методу, а значит, опять стрельба. У амурских ребят очень много контуженных. Командир сегодня рассказал, что у них на блокпосту, на 16-м, осталось два боеспособных милиционера, остальные все уже побиты. По радио передали, что Старопромысловская комендатура по организованному коридору вся ушла в «Северный». Интересно, как туда попали боевики и каким образом дали уйти тем, кто там находился. Пока это остается загадкой за семью печатями. Они там дурканят, а мы сидим по-прежнему в глухой осаде. Боевики о коридоре молчат. Мы с ними решили не вступать в переговоры.

Слышны по-прежнему разрывы. Снаряды где-то вокруг нас ложатся. Нас пока, тьфу-тьфу-тьфу, не задевают. Настроение у ребят нормальное. Российский флаг развевается над нами, и пятачок, который мы охраняем, представляет собой Россию.

20 августа. 5:40.

По данным из комендатуры, к нам коридор будет прокладывать 100-я дивизия оперативного назначения (ДОН). По фильму эти ребята серьезные. Но посмотрим, что они смогут сделать на самом деле. На всякий случай рассредоточиваемся на первом этаже подальше от стен, так как, по некоторым сведениям, это они нас тогда долбанули.

Несколько удивило, конечно, заявление Пуликовского о том, что гражданским дадут 48 часов на выход из города, а потом все ровняют реактивными установками, если боевики не сдадутся. Но так же они и нас могут сровнять с землей, мы ж не мирные жители, нам выходить некуда. В общем, сплошной бардак. Генералы – мудаки. Заботятся только о своих, блядь, погонах, мундирах и белых подворотничках. Мудак Голубец вчера там выступал по телевизору: «и не могли сдержать, и не могли ничего сделать...» Тогда какого же хрена он командовал тут так долго и что он тут делал?

20 августа. 9:35.

Выходил на связь Кравченко. Они пока на аэродроме, готовые к вылету. «Вертушкам» пока не разрешают посадку в Моздоке. Не осталось бензина на наши бензоагрегатик. Так что к вечеру можем остаться без света. Кто бы мог подумать, что мы окажемся в таком дерьме по вине генерал-полковников, которые заявляют, что все было сделано, чтобы этого не произошло.

20 августа. 13:30.

Состоялась встреча коменданта с боевиками. Они пришли с белым флагом и, как выразились, с командующим юго-восточным фронтом чеченской армии. Оговаривают разные условия, боятся, что Пуликовский приведет в действие план по 48 часам. Им в какой-то мере выгодно находиться рядом с нами.

Слышна стрельба. Это дивизия специального назначения и, видимо, 101-я бригада движутся в нашем направлении. По двору летают шальные пули. Мы все находимся в укрытии, готовы помочь, если «духи» будут на расстоянии видимости и их можно будет достать из стрелкового оружия.

Теперь мы понимаем, что чувствовали ребята, которые десять дней обороняли комендатуру в Гудермесе в декабре 1995-го. У нас получилось еще похлеще. Идет третья неделя глухой осады. Правда, нас здесь побольше, чем было их.

21 августа. 9:45.

Шестнадцатый день осады и полного окружения. ДОН, головной батальон ее, не смогли к нам пробиться, у них, говорят, погибли командир и начальник штаба, и они отошли. Урезали еще употребление воды. Осталось литров 140 на 40 человек. Это максимум на 2-3 дня. Медикаменты на исходе. Доктор делает одну перевязку в день. Того, что осталось, хватает еще на сутки-двое. Хорошо еще, что Василий Сергеевич Анушкин умудрился получить по одной накладной паек в ГУОШе не на 10 дней, а на двадцать.

Утром опять приходили в комендатуру парламентареры, опять говорят «уходите» и прочее, и прочее. Но мы вчера слышали, какие цели преследуются. Боевики формируют ударные отряды для захвата Ханкалы и Северного, используя для этих целей как живой щит российских солдат. Сегодня комендант послал их туда, куда Макар телят не гонял. Они говорят: все, тогда мы начинаем боевые действия против вас.

Мы в полной боевой готовности. Можем еще побиться и повалить «духов». Хотя надеемся, что наше верховное командование почешется, и, может, что-то сдвинется. Эти генералы уже надоели. Рохлин в свои ворота тянет, Пуликовский – в свои, Лебедь – в свою голубятню. Достали! Набрали пернатых! Ни одного орла в этом генералитетском заведении! Ну ладно, это лирика и мысли вслух.

21 августа. 11:05.

Началась артподготовка. Долбят рядышком. Хорошая вещь артподготовка. Но мы как-то скептически относимся к квалификации наших артиллеристов. Уже почувствовали на себе качество их залпов.

Вот оно все летит над нами. Плотно кладут. Снаряды ложатся рядом. Осколки долетают до нашего дота еще горячие. Как шутит в таких случаях Богатюк, с пылу с жару, руки можно погреть...

21 августа. 15:50.

Авиация работает – «Сушки». Хороший заряд положили рядом. Избушка наша, как на курьих ножках, закачалась. Андрей Просвирнин спускался как раз из люка по лестнице, его качнуло и сорвало. Повредил руку, не очень сильно, но синячина будет огромный, клочок мяса ободрал. Поэтому в ближайшее время как боец на крыше он будет непригоден.

21 августа. 17:10.

Бой идет уже рядышком с нами. Сегодня наши давят хорошо. Возможно, завтра и деблокируется наша цитадель. Военные хорошо знают, где мы находимся. Возможно, даже видят наш флаг на крыше. По рации можно было понять, что они четко представляют, куда стрелять. Хотя от разрывов все здание шатается.

Только что «духи» долбанули из граника нам по зданию под окошками 2-й роты. Видимо, целились по нашему доту на крыше. Дыру продырявили в стене. Благо, в том месте тамбурочек был в виде туалета и никого не было.

Нам бдительность нельзя ослаблять. Не исключена возможность контратаки боевиков. Народнишко этот коварный, смотрят в глаза, улыбаются, а сами что-то замышляют. Но поддали им сегодня хорошо. Били САУшки, из «Града», бээмпэ, самолеты заходили, утюжили... Так что досталось им сегодня крепко. И если по плану Пуликовского согласно его ультиматуму будет покруче, то, думается, вряд ли боевики усидят здесь.

22 августа. 8:40.

Семнадцатый день нашей обороны. Ночью было спокойно. В пять утра только бомбардировщики побомбили далеко от нас, но звучно-звучно... С утра солдаты боновские постреливают, может, мерещится что... Вечером получили телефонограмму из комендатуры. Содержание примерно такое: «Сообщает 225. Связь с Омском установлена. Подтверждаем на 24. Имеем 50 человек». Для нас это означает, что 24-го в Моздок прилетают наши 50 человек на замену. Исходя из этого, сегодня с командиром будем устанавливать связь с Координационным центром, чтоб они думали и предпринимали какие-то меры. Надо ведь еще кучу бумаг оформить, без этого нельзя.

Ну а пока все нормально. Солнышко светит, дождя не было, воды нет.

Глава 17

Три дня прошло с того дня, как стало ясно, что армейцы до них не дойдут. Бои слышны были в отдалении и не такие ожесточенные, как прежде. То ли захлебнулось наступление, то ли остановили. Скорее всего, второе: не зря же в Чечне появились Лебедь и Березовский. Новости узнавали от соседей и в комендатуре. В транзисторном приемнике сели батарейки, и два дня сидели без электричества, нечем было заправить движок-генератор: кончился бензин. Но сегодня Василий Анушкин раздобыл где-то литра два бензина, и сейчас все собрались перед телевизором, ожидая, когда запустят движок. Василий Сергеевич хозяйственный мужик! Парни обещали ему при жизни на родине бюст поставить за то, что их едой обеспечил. В начале августа ему на складе по одной накладной дважды выдали паек, вместо десяти дней на двадцать. И теперь он, улыбаясь, часто говорил: «Что бы вы без меня делали!..» Да, если б не двойная порция, туго бы им пришлось!..

Наконец движок заработал, включили телевизор. Программа «Время» уже началась. На экране увидели напыщенного, важного Лебеда. Он говорил о том, что с такой армией воевать нельзя, рассказывал, как встретил замызганного, чумазого солдата на блокпосту и понял, что с такой армией не победить, и поэтому он подписал в Хасавюрте с Масхадовым мирное соглашение о прекращении боевых действий в Грозном и в Чеченской республике...

Раздражение, которое вызывал генерал одним своим видом, сменилось недоумением и множеством вопросов. Эти же вопросы он читал на лицах своих ребят. Он встал и пошел в комендатуру.

– Слышал? – спросил он коменданта Морозова.

– Да слышал, – вяло махнул тот рукой. – Два года коту под хвост! А ведь они не успокоятся, они только силу признают!

– Ну и что сейчас?

– Все войска будут выводить... Разговаривал с полковником знакомым из ГУОШа, говорит, что этот индюк с ними даже не поговорил, не посоветовался, сразу к чеченцам побежал. Пуликовского, скорее всего, уберут...

– А мы как?

– Совместные комендатуры будут из наших и чеченцев, пока войска не выведут... Ваши уже здесь, так что готовься, через день-другой будете выходить.

По улице в сторону ПВД медленно двигался открытый «уазик» с портретом Дудаева на лобовом стекле, с правой стороны развевался большой ичкерийский флаг. Перед «уазиком» шли по-хозяйски боевики и освобождали проезжую часть от обломков деревьев, досок и кусков бетона с торчащей арматурой... Они прокладывали коридор для выхода.

«Белый орел», оживленный все-таки автовзводом, без стекол, со снятым брезентовым тентом, груженный доверху рюкзаками и прочим имуществом отряда, медленно двинулся с КПП. Рядом с Виталием Ходыкиным сидели раненые – Бутаков и Атрощенко. Последний уже мог передвигаться сам с костыльком.

Трехнедельная осада закончилась. Лукин оглянулся: здание детского сада выглядело опустевшим и безжизненным, не было над ним и флага, который они сняли и везли домой. Он ощущал вместе с радостью и облегчением, что все кончилось, какое-то саднящее чувство неудовлетворения.

– Вы, что ли, выходите? – подошел к нему бородач-чеченец с автоматом в руке. – Своих предупредили?

Заметив нашивки на рукаве, зло сказал:

– Знали бы, что омовцы, не выпустили бы! Ладно, черт с вами, пошли!

И этот надменный тон, и ликующие боевики с криками «Аллах акбар!» почти на всем пути, пока они добирались до Ханкалы, вызывали у Лукина все разрастающееся чувство обиды до такой степени, что он едва сдерживался, чтобы вместе с чеченцами не начать стрелять в небо из автомата. Если бы у них не было оружия, то можно было бы подумать, что ведут пленных...

В Ханкале в штабе Лукин встретился с новым заместителем министра МВД генерал-полковником Федоровым. Выслушав его короткий рассказ о трехнедельной осаде в Октябрьской комендатуре, генерал пожал ему руку и сказал:

– Спасибо тебе и твоим ребятам. Пиши на всех представление, наградим... А сегодня вечером вертолеты в Моздок идут, летите на них.

– У меня еще двенадцать человек на блокпосту.

– Далеко?

– Да рядом, отсюда в бинокль видно.

– Самостоятельно выведешь?

– Постараемся.

– Ну, давай действуй! И счастливого пути!

Получив от Лукина приказ выбираться в Ханкалу, Игорь Стенин посоветовался со своими подчиненными, и они сошлись на том, что лучше всего поймать попутную машину. Но как назло шоссе будто вымерло. Глянув в оптический прицел, Толя Агарков сказал:

– В квартале от крайнего дома автобус «пазик» стоит. Пойдем к нему!

– А если боевики прицепятся? – засомневался Стенин.

– Мир все-таки... А здесь просидим, опоздаем.

– А с петухом что?

– Оставим солдатам...

Когда они вошли на улицу, город ликовал. Казавшийся раньше безжизненным и мертвым, он вдруг наполнил улицы народом. С криками «Аллах акбар!» бегали подростки, им вторили бородатые чеченцы, расстреливая длинными очередями небо, танцевали, сцепившись в круг, седобородые старики в каракулевых шапках...

Увидев омовцев с яркими нашивками на рукавах и оружием, чеченцы смотрели на них сначала удивленно, потом зло, с ненавистью.

– Мужики, надо отсюда литься поскорее, пока нас не попутали! – пробормотал Агарков.

На счастье, водитель подошел к автобусу одновременно с ними.

– Слушай, довези до Ханкалы, – попросил Стенин.

– Нет, бензина мало, – сказал водитель и прижал отогнувшийся уголок портрета Дудаева на лобовом стекле.

– Да тут же совсем рядом, мы заплатим, – вступил в разговор Агарков.

– Сколько?

– 150 лимонов.

– Нет, наши узнают, автобус отберут...

– Ну за триста отвези.

– Ладно, поехали!

Когда садились в автобус, Агарков шепнул Сиверину:

– Садись на переднее сидение. Ты у нас на чеченца похож. Чтоб не останавливали...

Перед выездом на дорогу, ведущую на Ханкалу, на окраине города автобус остановился. Впереди стояло несколько машин. Вокруг них ходили вооруженные боевики в камуфляже.

– Схожу узнаю, что там, – сказал водитель и вылез из кабины.

– Ну, братцы, готовь гранаты! – сказал Агарков, взял в правую руку лимонку и сжал усики чеки. Все последовали его примеру и замерли в напряженном ожидании. Минут через десять водитель вернулся:

– Ваша колонна проходила...

Когда выехали из города, Стенин связался по радиис с Лукиным и предупредил, что они подъезжают.

У КПП в Ханкале танк из охранения угрожающе повел стволом и нацелился им в автобус. Лукин побежал к танку, ударил несколько раз по броне и весело закричал:

– Свои, свои это!..

Из автобуса стали выходить один за другим Сиверин, Стенин, Агарков... Когда все одиннадцать человек, радостные и улыбающиеся, подошли к нему, Лукин почувствовал страшное облегчение.

Еще одна командировка прошла без потерь.

Из книги генерала Геннадия Трошева «Моя война»:

Направляясь в Чечню, Борис Березовский (в тот момент официальный представитель федерального центра) сначала поехал к Масхадову, а только потом прилетел в Ханкалу, в штаб ОГВ.

Выслушав облеченного высокой властью Березовского, Пуликовский побледнел, но тут же, собравшись, начал чеканить слова:

– Я как командующий группировкой не согласен с такой позицией и считаю, что вы должны были прежде всего встретиться с руководством Объединенной группировки войск. Мы здесь давно собрались и ждем вас. Нам есть что сказать. Неужели перед встречей с Масхадовым вас не интересовало наше мнение, наша оценка ситуации?

– Ты, генерал, можешь считать все, что угодно, – сверкнул глазами столичный визитер. – Твоя задача: молчать, слушать и выполнять то, что тебе мы с Лебедем говорим. Понял?

– Вы говорите, не думая о тех людях, которые сейчас в полном окружении кровью харкают, – закипал Пуликовский. – Они ждут моей помощи, я обещал...

– Я тебя, генерал, вместе с твоими людьми, вместе со всей вашей дохлой группировкой сейчас куплю и перепродам! Понял, чего стоят твои обещания и ультиматумы?..

Офицеры, невольные свидетели разговора, опустили головы. Пуликовский с трудом сдержал себя. Стиснул кулаки, круто развернулся и пошел прочь, чувствуя спиной «расстрельный» взгляд Бориса Абрамовича...

В тот же день в Москву, Верховному, было доложено, что жесткая позиция командующего объясняется не военной необходимостью, а личными мотивами: дескать, в Чечне у генерала погиб сын-офицер, и теперь им движет жажда мести, что ради удовлетворения амбиций он готов весь город стереть с лица земли. По коридорам власти в Москве поползли слухи о генерале, заразившемся чеченской «бациллой кровной мести». Пуликовского, мягко говоря, отодвинули от руководства группировкой войск. Все это происходило за несколько дней до подписания в Хасавюрте соглашения «об окончании войны».

...Я уверен, если бы ультиматум Пуликовского был осуществлен, не распоясались бы басаевы и хаттабы, не было бы ни криминального беспредела в Чечне, ни терактов в Буйнакске, Москве, Волгодонске, Владикавказе, ни агрессии в Дагестане, ни вообще второй войны на Кавказе.